

**ПРОЧНОЕ
ЗВЕНО**

ПРОЧНОЕ ЗВЕНО

СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Учебное пособие

Утверждено Министерством образования
Латвийской Республики

РИГА «ЗВАЙГЗНЕ» 1992

83.3Кз72
П 846

ПРОЧНОЕ ЗВЕНО

СТАНИН ВАСИЛИЙ БОРИСОВИЧ

Составитель А. Н. Семенов

Рецензент Л. А. Шилина

ISBN 5—405—00885—0

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершенное так мало!
Но все ж я прочное звено:
Мне это счастье дано.

В России новой, но великой
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...

В. Ходасевич «Памятник»

УВАЖАЕМЫЙ СТАРШЕКЛАССНИК!

Ты открыл книгу, которую мы называли «Прочное звено», взяв эти слова из стихотворения Владислава Ходасевича.

Это — сборник стихов русских поэтов. Одни из них еще совсем недавно, в силу тех или иных причин, относились к именам неизвестным, забытым, а то и запрещенным. Другие — хотя и были известны читателю, но известность их была относительной, неполной, односторонней.

Сегодня мы являемся свидетелями того, как в круг общественного сознания возвращаются не просто имена и произведения, а целые периоды литературного развития, его «прочные звенья». Восстанавливаются, переосмысливаются, получают толкование, свободное от идеологических и политических предрассудков, целые

эпохи. Такие, например, как рубеж XIX—XX веков или 20-е годы нашего века. И восстанавливаются они не просто из исторического любопытства, а из необходимости восстановить важные звенья культуры, без которых общая картина ее оказывается неполной, усеченной, а значит — ложной.

Но мы обращаемся к именам и произведениям, прежде забытым или мало упоминавшимся еще и потому, что надеемся в этом нашем культурном прошлом найти ответы на волнующие нас сегодня вопросы.

Академик Д. С. Лихачев пишет: «Литература, созданная русским народом, — это не только его богатство, но и нравственная сила, которая помогает народу во всех тяжелых обстоятельствах, в которых русский народ оказывался. К этому нравственному началу мы всегда можем обращаться за духовной помощью».

Поэты, чьи произведения составили «Прочное звено», способны оказать такую духовную помощь...

Кто же они?

Одни из них — это поэты, ставшие жертвами репрессий, — **Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Николай Клюев**. К сожалению, в нашей литературной истории список погибших можно продолжать долго. Один из них (О. Мандельштам) считал, что «поэзия есть осознание своей правоты». Время показало, что правы были не те, кто погубил поэтов, а погибшие.

Другие, такие как **Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Константин Бальмонт, Владислав Ходасевич** (и опять полный список будет удручающе длинным!), после революции оказались за границей, увидев, что к власти в стране пришли те, кто решил все старое разрушить. И обязательно — «до основанья»... Но и за границей они продолжали оставаться «прочным звеном» русской культуры. Некоторые (**Марина Цветаева, Андрей Белый** и др.) через какое-то время, по разным причинам, вернулись на Родину. Однако на их творче-

стве долго лежал отпечаток «не нашего» мировоззрения, «не наших» взглядов, отпечаток некоей идеологической ущербности.

Среди авторов сборника есть и те, которые никуда не уезжали, их, к счастью, не ссылали и не расстреливали, но они тоже оказались на долгое время за пределами читательского внимания, так как занимали позицию «внутренних эмигрантов».

Есть в нашем сборнике имена поэтов, которые и запретными вроде бы никогда не были, не уезжали, не протестовали, а все равно оказались среди забытых, как, например, интересная поэтесса **Мария Петровых**.

Можно долго рассказывать о том, почему те или иные русские поэты только сегодня приходят к широкому читателю, почему некоторые из них так и умерли на чужбине, почему кое-кто из поэтов до сих пор живет вдали от родины... И в каждом конкретном случае мы будем сталкиваться с человеческими и творческими трагедиями. Помнить, знать об этих трагедиях необходимо!

Но мы хотели, чтобы твое общение с поэтами было радостным, как любое общение с большим искусством. Чтобы ты мог разглядеть неповторимую индивидуальность каждого, услышать их голоса, звучащие как из исторического прошлого, так и из современности, чтобы ты, уважаемый старшеклассник, мог наглядно представить многообразное, многоликое, но единое «прочное звено» русской литературы, русской поэзии XX века.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ

(1853—1900)

Родился в семье известного историка С. М. Соловьева. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, защитил магистерскую и докторскую диссертации. Преподавал философию в Московском университете. В 1881 г. был лишен прав заниматься преподавательской деятельностью за то, что выступил в защиту народовольцев. Был близок с Ф. М. Достоевским.

Сквозь призму поэзии и личности восприняли своим учителем В. С. Соловьева А. Блок с его почитанием «вечной женственности», А. Белый с его космическим представлением о «мировой душе», Вяч. Иванов с его учением о пророческой миссии художника и другие поэты рубежа веков.

Поэзия В. С. Соловьева освещена духовным напряжением, искренностью переживаний. В его лирике неизменно ощущается стремление поэта вырваться из-под власти вещественного мира и временного бытия, «злой жизни». Эта лирика запечатлела жажду беспредельной свободы, которая была главной идеей его философии. Поэтический строй лирики Соловьева основан на таком отношении к слову, когда это слово воспринимается как знак или намек на тайну.

Валерий Брюсов писал о Владимире Соловьеве: «...во всех его произведениях чувствовалась какая-то

особая мощь, какая-то обостренность дарования. Поэт и мыслитель подступал к самым заветным вопросам современного человека, к его самым мучительным соблазнам... И к властному голосу В. Соловьева прислушивались, как к словам учителя; за ним признавали право судить...»

* * *

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит,
И под личиной вещества бесстрашной
Везде огонь божественный горит.

1875

ОТРЫВОК

Зачем тебе любовь и ласки,
Коль свой огонь в груди горит
И целый мир волшебной сказки
С душой так внятно говорит;

Когда в синеющем тумане
Житейский путь перед тобой,
А цель достигнута заране,
Победа предваряет бой;

Когда серебряные нити
Идут из сердца в область грез...

О, боги вечные! возьмите
Мой горький опыт и верните
Мне силу первых вешних гроз!..

1878

* * *

Взгляни, как ширь небес прозрачна и бледна,
Как тянутся лучи в саду полураздетом...
О, что за чудный час меж сумраком и светом¹,
Что за святая тишина!
Прислушайся, взглядишь... безмолвие и лень!..
Не кажется ль тебе, что мир уж не проснется,
Что солнце из-за туч вовек не вознесется
И что настал последний день?

1878

* * *

В былые годы любви невзгоды
Соединяли нас,
Но пламень страсти не в нашей власти,
И мой огонь угас.
Пускай мы ныне в мирской пустыне
Сошлись опять вдвоем, —
Уж друг для друга любви недуга
Мы вновь не принесем.
Весна умчалась, и нам осталась
Лишь память о весне
Средь жизни мутной, как сон минутный,
Как счастье во сне.

1878

---

¹ Стих А. К. Толстого.

Под чуждой властью знойной вьюги,
Виденья прежние забыв,
Я вновь таинственной подруги
Услышал гаснуций призыв.

И с криком ужаса и боли,
Железом схваченный орел,
Затрепетал мой лук в неволе
И сеть порвал, и ввысь ушел.

И на заоблачной вершине
Пред морем пламенных чудес
Во всесияющей святыне
Он загорелся и исчез.

ОСЕННЕЮ ДОРОГОЙ

Меркнет день. Над усталой, поблекшей землей
Неподвижные тучи висят.
Под прощальным убором листвы золотой
И березы, и липы сквозят.
Душу обняли нежно-тоскливые сны,
Замерла бесконечная даль,
И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.
И как будто земля, отходя на покой,
Погрузилась в молитву без слов,
И спускается с неба невидимый рой
Бледнокрылых, безмолвных духов.

1886

* * *

Бедный друг, истомил тебя путь,
Тёмен взор, и венки твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

1887

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

1892

ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ! ✓

Люди живы божьей лаской,
Что на всех незримо льется,
Божьим словом, что безмолвно
Во вселенной раздается.

Люди живы той любовью,
Что одно к другому тянет,
Что над смертью торжествует
И в аду не перестанет.

А когда не слишком смело
И себя причислить к людям, —
Жив я мыслю, что с милой
Мы навеки вместе будем.

1892

ПАМЯТЬ

Мчи меня, память, крылом нестареющим
В милую сердцу страну.
Вижу ее на пожарище тлеющем
В сумраке зимнем одну.

Горькой тоскою душа разрывается,
Жизни там две сожжены,
Новое что-то вдали начинается
Вместо погибшей весны.

Далее, память! Крылом тиховеющим
Образ навей мне иной...
Вижу ее на лугу зеленеющем
Светлою летней порой.

Солнце играет над дикою Тосною,
Берег отвесный высок...
Вижу знакомые старые сосны я,
Белый сыпучий песок...

Память, довольно! Вся скорбь пережитая
Вновь овладела душой,
Словно те прежние слезы пролитые
Льются воскресшей волной.

1892

* * *

Потому ль, что сердцу надо
Жить одним, одно любя,
Потому ль, что нет отрады
Не отдавшему себя;

Оттого ли, что судьбою
Наши сблизились пути,
И с тобой, тобой одною
Мог я счастье найти, —

Оттого ли, потому ли, —
Но в тебе, в тебе одной
Безвозвратно потонули
Сердце, жизнь и разум мой.

1892

* * *

Там, где семьей столпились ивы
И пробивается ручей,

По дну оврага торопливо,
Запел последний соловей.

Что это? Радость обновления,
Иль безнадежное прости?..
А вдалеке неслось движенье
И гул железного пути.

И небо высылось ночное
С невозмутимостью святой
И над любовью земною,
И над земною суетой...

1892

* * *

Если желанья бегут, словно тени,
Если обеты — пустые слова, —
Стоит ли жить в этой тьме заблуждений,
Стоит ли жить, если правда мертва?

Вечность нужна ли для праздных стремлений,
Вечность нужна ль для обманчивых слов?
Что жить достойно, живет без сомнений,
Высшая сила не знает оков.

Высшую силу в себе сознавая,
Что ж тосковать о ребяческих снах?
Жизнь только подвиг, — и правда живая
Светит бессмертьем в истлевших гробах.

1893

* * *

Эти грозные силы, что в полдень гремели,
Разошлись, истощились давно...
Вот и робкие звезды вверху заблестели
И глядятся тихонько в окно.
Но немые зарницы земле утомленной
Все твердят о грозе прожитой,
И не верит она этой ночью бессонной,
Что настанет желанный покой.

1895

ГРОЗА УТРОМ

Разогнали раскаты громóвые
Смутных снов налетевшую стаю.
Перед бездной огнисто-лиловою
Разорвалась завеса до краю.

Шумно льются потоки назревшие,
Гром гремит, словно чем-то утешен...
Вижу очи твои потемневшие,
Хоть дождем от тебя занавешен.

Вдруг затихло... Там кто-то прощается,
И просветы лазури открыты...
Но двойится твой взор: улыбается
И темнеет грозой незабытой.

1896

* * *

Нет, силой не поднять тяжелого покрыва
Седых небес...

Все та же вдаль тропинка вьется снова,
Все тот же лес.

И в глубине вопрос — вопрос единый
Поставил Бог.

О, если бы хоть песней лебединой
Ответить мог!

Весь мир стоит застывшею мечтою,
Как в первый день,
Душа одна, и видит пред собою
Свою же тень.

1897

ОКО ВЕЧНОСТИ

«Да не будут тебе бози инии, разве Мене».¹

Одна, одна над белою землею
Горит звезда
И тянет вдаль эфирною стезею
К себе — туда.

О, нет, зачем? В одном недвижимом взоре
Все чудеса,
И жизни всей таинственное море,
И небеса.

И этот взор так близок и так ясен, —
Глядись в него,
Ты станешь сам — безбрежен и прекрасен —
Царем всего.

1897

---

¹ Цитата из Библии.

В АРХИПЕЛАГЕ НОЧЬЮ

Нет, не верьте обольщению, —
Чтоб сцепленьем мертвых сил
Гибло божие творенье,
Чтоб слепой нам рок грозил.

Видел я в морском тумане
Всю игру враждебных чар;
Мне на деле, не в обмане
Гибель нес зловещий пар.

Вьявь слагались и вставали
Сонмы адские духов,
И пронзительно звучали
Сочетанья злобных слов.

Мир веществен лишь в обмане,
Гимном дышит темный пар...
Видел я в морском тумане
Злую силу вражьих чар.

1898

11 ИЮНЯ 1898 г.

Стая туч на небосклоне
Собралась и растет...
На земном иссохшем лоне
Все живое влаги ждет.

Но упорный и докучный
Ветер гонит облака.
Зной все тот же неотлучный,
Влага жизни далека.

Так душевные надежды
Гонит прочь житейский шум,
Голос злобы, крик невежды,
Вечный ветер праздных дум.

У СЕБЯ

Дождались меня белые ночи
Над простором густых островов...
Снова смотрят знакомые очи,
И мелькает былое без слов.

В царство времени все я не верю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать «навсегда» — не могу.

При мерцании долгим заката,
Пред минутной дремотою дня,
Что погиб его свет без возврата,
В эту ночь не уверишь меня.

1898

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ 1890-х гг.

Мирный сон снится вам,
Мы уже не верим снам:
Всюду лишь бранный клик,
Смерть или победы миг.

Непроглядная темень кругом,
Слышны дальнего грома раскаты,
Нет и прѣсвета в небе ночном,
Звезды скрылись — не жди их возврата.

ВНОВЬ БЕЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

В грозные, знойные
Летние дни —
Белые, стройные
Те же они.

Призраки вешние
Пусть сожжены, —
Здесь вы нездешние,
Верные сны.

Зло пережитое
Тонет в крови, —
Всходит омытое
Солнце любви.

Замыслы смелые
В сердце больном, —
Ангелы белые
Встали кругом.

Стройно-воздушные
Те же они —
В тяжкие, душные,
Грозные дни.

1900

ИННОКЕНТИЙ ФЕДОРОВИЧ АННЕНСКИЙ

(1856—1909)

Рос «в среде, где соединялись, — пишет поэт, — элементы бюрократические и помещичьи...». Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, преподавал древние языки, античную литературу, теорию словесности. Стихи начал писать в 70-е гг., но первый сборник («Тихие песни») выпустил только в 1904 г. Выступал в печати с рецензиями и критическими статьями. Переводил стихи Г. Гейне и П. Верлена, Ш. Бодлера, Леконта де Лиля, трагедии Еврипида и др. Писал трагедии на сюжеты античной мифологии.

Литературная позиция Анненского, стоявшего организационно вне движения символистов, позволила поэта, чья эстетика была отлична от воззрений символистов, считать его своим учителем. Среди них Н. Гумилев и А. Ахматова, О. Мандельштам и Б. Пастернак...

Поэзия И. Анненского обращена к обыденной жизни современного ему городского человека. Сам поэт считал, что она выражает «боль городской души». Вместе с тем, она обращена и к глубинным философским вопросам бытия. Поэт пишет о смысле и бессмысленности человеческого существования, о подлинном и фальшивом в жизни человека. Анненский — поэт-импрессионист, умеющий чутко схватывать мгновенные, мимолетные настроения, проявляющиеся как результат острого и

яркого восприятия вещей и явлений окружающего мира, его поэтике свойственны импрессионистическая многоцветность и недосказанность образов.

Владислав Ходасевич считал Анненского поэтом страха — страха смерти и страха жизни: «Драма, развернутая в его поэзии, обрывается на ужасе — перед бессмысленным кривлянием жизни и бессмысленным кривлянием смерти».

НА ВОДЕ

То луга ли, скажи, облака ли, вода ль,
Околдована желтой луною:
Серебристая гладь, серебристая даль
Надо мной, предо мною, за мною...

Ни о чем не жалеть... Ничего не желать...
Только б маска колдуньи светилась
Да клубком ее сказка катилась
В серебристую даль, в серебристую гладь.

1900

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, что я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

1901

ДВА ПАРУСА ОДНОЙ ЛОДКИ

Нависнет ли пламенный зной
Иль, пенясь, расходятся волны,
Два паруса лодки одной,
Одним и дыханьем мы полны.

Нам буря желанья слила,
Мы свиты безумными снами,
Но молча судьба между нами
Черту навсегда провела.

И в ночи беззвездного юга,
Когда так привольно-темно,
Сгорая, коснуться друг друга
Одним парусам не дано...

1904

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю замирание эха
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истомы люблю полосу.

Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разрыв полутьмы,
И, где солнце горело весной,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей шире
В переливах растаявший цвет...
Я люблю все, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

1905

НЕВОЗМОЖНО

Есть слова — их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревно,
Но меж них и печальнее нет,
Ни нежнее тебя, невозможно.

Не познав, я в тебе уж любил
Эти в бархат ушедшие звуки:
Мне являлись мерцанья могил
И сквозь сумрак белевшие руки.

Но лишь в белом венце хризантем,
Перед первой угрозой забвенья,
Этих ве, этих зэ, этих эм
Различить я сумел дуновенья.

И, запомнив, невестой в саду
Как в апреле тебя разубрали, —
У забитой калитки я жду,
Позвонить к сторожам не пора ли.

Если слово за словом, что цвет,
Упадает, белея тревожно,
Не печальных меж павшими нет,
Но люблю я одно — невозможно.

1907

ТОСКА ВОКЗАЛА

О, канун вечных будней,
Скуки липкое жало...
В пыльном зное полудней
Гул и краска вокзала...

Полумертвые мухи
На забитом киоске,
На пролитой известке
Слепы, жадны и глухи.

Флаг линяло-зеленый,
Пара белые взрывы,
И трубы отдаленной
Без отзыва призывы.

И эмблема разлуки
В обманувшем свиданьи —
Кондуктор однорукий
У часов в ожиданьи...

Есть ли что-нибудь нудней,
Чем недвижимая точка,
Чем дрожанье полудней
Над дремотой листочка...

Что-нибудь, но не это... —
Подползай — ты обязан;
Как ты жалок, измазан,
Все равно — ты не это!

Уничтожиться, канув
В этот омут безликий,
Прямо в одурь диванов,
В полосатые тики!

1907

ДВЕ ЛЮБВИ ✓

Есть любовь, похожая на дым:
Если тесно ей — она дурманит,

Дай ей волю — и ее не станет...
Быть как дым — но вечно молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит — тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и день...

МИНУТА

Узорные ткани так зыбки,
Горячая пыль так бела, —
Не надо ни слов, ни улыбки:
Останься такой, как была;

Останься неясной, тоскливой,
Осеннего утра бледней
Под этой поникшею ивой,
На сетчатом фоне теней...

Минута — и ветер, метнувшись,
В узорах развеет листья,
Минута — и сердце, проснувшись,
Увидит, что это — не ты...

Побудь же без слов, без улыбки,
Побудь точно призрак, пока
Узорные тени так зыбки
И белая пыль так чутка...

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Игра природы в нем видна,
Язык трибуна с сердцем лани,
Воображенье без желаний
И сновидения без сна.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ СОЛОГУБ

(Федор Кузьмич Тетерников)

(1863—1927)

Сын портного и прачки. Окончил Петербургский учительский институт, преподавал математику. Первые стихи напечатал в 1884 г. Принадлежал к символистам «старшего» поколения.

Для поэзии Ф. Сологуба характерно постоянное противопоставление мечты и действительности. Поэт рисует призрачные миры, воспевает смерть как единственную освободительницу от мерзости жизни, прославляет чувственную любовь, видя в ней прежде всего светлое начало. Во многих стихах Сологуб утверждает всемогущество творческой личности, способной преобразовать мир. Его поэзия органично сплетает явь и сновидение, быль и фантастическую грезу, историю и легенду. Он — талантливый представитель пессимистического мирозерцания, пассивного романтизма.

Стих Сологуба певуч и традиционен, поэт избегает резких выразительных рифм, часто пользуется аллитерацией, внутренней рифмой, фольклорными образами.

Ф. Сологуб сочувственно встретил революцию 1905 г., приветствовал свержение самодержавия, но Октябрьскую революцию не воспринял, избрав позицию внутреннего эмигранта.

«Беру кусок жизни грубой и бедной и творю из него сладостную легенду, — ибо я поэт», — писал Федор Сологуб.

ВОСЬМИДЕСЯТНИКИ

Среди шатания в умах и общей смуты,
Чтобы внимание подростков поотвлечь
И наложить на пагубные мысли путы,
Понадобилась нам классическая речь.

Грамматики народов мертвых изучая,
Недаром тратили вечерние часы
И детство резвое, и юность удалая
В прилежном изученьи стройной их красоты.

Хирели груди их, согнутые над книгой,
Слабели зоркие, пытливые глаза,
Слабели мускулы, как будто под веригой,
И гнулся хрупкий стан, как тонкая лоза.

И вышли скромные, смиренные людишки,
Конечно, уж они не будут бунтовать;
Им только бы читать печатные коврижки
Да вкусный пирожок казенный смаковать.

1892

* * *

О смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя, — и ненавижу
Очарования земли.
Людские чужды мне восторги,

Сраженья, праздники и торги,
Весь этот шум в земной пыли.

Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринул я издавна власть.
Не мне, обвеянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мне к ногам ее упасть.

Не мне идти на пир блестящий,
Огнем надменным тяготящий
Мои дремотные глаза,
Когда на них уже упала,
Прозрачней чистого кристалла,
Твоя холодная слеза.

1894

* * *

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, я для свободы,
Зову я ночь, покой и тьму.

1896

* * *

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.

Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь.

И все твои пути мне милы,
И пусть грозит безумный путь
И тьмой, и холодом могилы,
Я не хочу с него свернуть.

Не заклинаю духа злого,
И, как молитву наизусть,
Твержу все те ж четыре слова:
«Какой простор! Какая грусть!»

1903

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Нужны врачи и фельдшера, —
Так объявляют все газеты, —
Нужны портные-мастера.
А вот кому нужны поэты?

Где объявление найдешь:
«Поэта приглашаем на дом
Затем, что стало невтерпёж
Обычным объясняться складом.

И мы хотим красивых слов,
И души в плен отдать готовы!»?
Купить имение готов.
Нужны молочные коровы.

1916

* * *

Туман и дождь. Тяжелый караван
Лохматых туч влачится в небе мгlistом.
Лесною гарью воздух горько пьян,
И сладость есть в дыхании смолистом,
И радость есть в уюте прочных стен,
И есть мечта, цветущая стихами.
Печальный час, и ты благословен
Любовью, сладкой памятью и снами.

1920

* * *

Не люблю я встреч
На моем пути.
Только с ветром речь
Хорошо вести.

Путевой простор
Без людей хорош.
Каждый встречный взор —
Острый в сердце нож.

1922

* * *

Побеждает тот, кто зол.
Добрый малый, ты — осел!

Не хвались, что ты силен, —
Попадешься ты в полон.

F

Тот, кто зол, неутомим,
И не справишься ты с ним.

Не помогут яд и нож,
Пустит в дело злую ложь.

Лжи поверят, правде — нет,
И сойдется клином свет.

1926

* * *

Островерхая крыша
Придавила весь дом.
Здесь живущие дышат
С превеликим трудом.

Здесь косматые, злые
Лихорадки живут,
И туманы седые
На болотах прядут.

Портят всякое дело
Здесь Авось да Небось,
А земля захирела
И промокла насквозь.

1926

* * *

Давно наука разложила
Все, что возможно разложить, ✓

К чему же это послужило,
И легче ли на свете жить?

Умней и лучше мы не стали,
Как не плевали на алтарь,
И те же дикие печали
Тревожат сердце, как и встарь.

Холодный дождь нас также точит,
В лицо нам также веет снег,
Глупец по-прежнему хохочет,
Осмеивая всё и всех.

Вновь повторяем шутку ту же
При каждой новой смене дней:
«Бывали времена похуже,
Но не было подлей».

1926

* * *

Экономическую повесть
В такую формулу вложи: ✓
Подшевелила очень совесть,
Но высока расценка лжи.

1926

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ МЕРЕЖКОВСКИЙ

(1866—1941)

Родился в семье дворцового чиновника. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Выступил в печати в начале 80-х гг. со стихами, испытавшими на себе влияние позднего народничества и поэзии С. Я. Надсона. Был тесно связан с символистами, выступил как один из активных теоретиков символистской эстетики, в качестве первого признака которой считал «мистическое содержание»: «Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить. В этом болезненном неразрешимом диссонансе, этом трагическом противоречии так же, как в небывалой умственной свободе, в смелости отрицания, заключается наиболее характерная черта мистической потребности XIX века».

Мережковский не считал поэзию главным в своем творчестве, он более известен как прозаик, получил признание и как исследователь творчества Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Ю. Лермонтова, как автор теоретических работ в области эстетики. Его поэзия примыкает к символистской: ее отличает некоторая прямолинейность образов, рассудочность, пристрастие к логическим антитезам.

В 1920 г. Д. С. Мережковский эмигрировал за границу, жил преимущественно в Париже.

ПАРКИ¹

Будь, что будет, — все равно.
Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми, веретено.

Все наскучило давно
Трем богиням — вещим пряхам:
Было прахом, будет прахом, —
Ты шуми, веретено.

Нити вечные судьбы
Тянут Парки из кудели²,
Без начала и без цели.
Не склоняют их мольбы.

Не пленяет красота:
Головой они качают,
Правду горькую вещают
Их поблеклые уста.

Мы же лгать обречены:
Роковым узлом от века
В слабом сердце человека
Правда с ложью сплетены.

Лишь уста открою — лгу,
Я рассечь узлов не смею,
А распутать не умею,
Покориться не могу.

---

¹ Парки — в античной мифологии — богини судьбы, которые прядут нить человеческой судьбы, жизни и в нужный момент перерезают ее.

² Кудель — волокнистая часть льна, пеньки.

Лгу, чтоб верить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цепи рабства и любви,
Все, пред чем я полон страхом,
Рассекут единым взмахом,
Парка, ножницы твои!

1892

НЕ НАДО ЗВУКОВ

Дух божий веет над землею.
Недвижен пруд, безмолвен лес;
Учись великому покою
У вечеряющих небес.

Не надо звуков: тише, тише,
У молчаливых облаков
Учись тому теперь, что выше
Земных желаний, дел и слов.

1895

НИРВАНА¹

И вновь, как в первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Как будто в мире нет страданья,
Как будто в сердце нет греха.

---

¹ Нирва́на — в учении буддистов: блаженное состояние покоя, достигаемое путем полного отрешения от всего житейского.

Не надо мне любви и славы:
В молчаньи утренних полей
Дышу, как дышат эти травы...
Ни прошлых, ни грядущих дней

Я не хочу пытаться и числить.
Я только чувствую опять,
Какое счастье — не мыслить,
Какая нега — не желать!

1896

МАРТ

Больной, усталый лед,
Больной и талый снег...
И все течет, течет...
Как весел вешний бег

Могучих мутных вод!
И плачет дряхлый снег,
И умирает лед.
А воздух полон нег.

И колокол поет.
От стрел весны падет
Тюрьма свободных рек,
Угрюмых зим оплот, —
Больной и темный лед,
Усталый, талый снег...
И колокол поет,
Что жив мой Бог вовек,
Что Смерть сама умрет!

ОСЕНЬЮ В ЛЕТНЕМ САДУ

В аллее нежной и туманной,
Шурша осеннею листвою,
Дитя букет собирает странный,
С улыбкой жизни молодой...

Все ближе тень октябрьской ночи,
Все ярче мертвенный букет,
Но радуют живые очи
Увядших листьев пышный цвет...

Чем бледный вечер неутешней,
Тем смех ребенка веселей,
Подобен пенью птицы вешней
В холодном сумраке аллей.

Находит в увяданьи сладость
Его блаженная пора:
Ему паденье листьев — радость,
Ему и смерть еще — игра!

ОДИНОЧЕСТВО

Поверь мне: — люди не поймут
Твоей души до дна!..
Как полон влагою сосуд, —
Она тоской полна.

Когда ты с другом плачешь, — знай:
Сумеешь, может быть,
Лишь две-три капли через край
Той чаши перелить.

Но вечно дремлет в тишине
Вдали от всех друзей, —
Что там, на дне, на самом дне
Больной души твоей.

Чужое сердце — мир чужой,
И нет к нему пути!
В него и любящей душой
Не можем мы войти.

И что-то есть, что глубоко
Горит в твоих глазах,
И от меня — так далеко,
Как звезды в небесах...

В своей тюрьме, — в себе самом,
Ты, бедный человек,
В любви и в дружбе, и во всем
Один, один навек!

МОЛЧАНИЕ

Как часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умею,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Как будто стыдно мне — я говорить не смею.

И близости ко мне живой души твоей
Так все таинственно, так все необычайно, —
Что слишком страшною божественною тайной
Мне кажется любовь, чтоб говорить о ней.

В нас чувства лучшие стыдливы и безмолвны,
И все священное объемлет тишина:
Пока шумят вверху сверкающие волны,
Безмолвствует морская глубина.

СКУКА

Страшней, чем горе, эта скука.
Где ты, последний терн венца,
Освобождающая мука
Давно желанного конца?

С ее бессмысленным мученьем,
С ее томительной игрой,
Невыносимым оскорбленьем
Вся жизнь мне кажется порой.

Хочу простить ее, но знаю,
Уродства жизни не прощу,
И горечь слез моих глотаю,
И умираю, и молчу.

* * *

Что ты можешь? В безумной борьбе
Человек не достигнет свободы:
Покорись же, о дух мой, судьбе
И неведомым силам природы.

Если надо, — смирись и живи!
Об одном только помни, страдая:
Ненадолго — страданья твои,
Ненадолго — и радость земная.

Если надо, — покорно вернись,
Умирая, к небесной отчизне,
И у смерти, у жизни учись —
Не бояться ни смерти, ни жизни!

ВОЛНЫ

О, если б жить, как вы живете, волны,
Свободные, бесстрашие храня,
И холодом, и вечным блеском полны!..
Не правда ль, вы — счастливее меня!

Не знаете, что счастье — ненадолго...
На вольную холодную красу
Гляжу с тоской: всю жизнь любви и долга
Святую цепь покорно я несу.

Зачем ваш смех так радостен и молод?
Зачем я цепь тяжелую несу?
О, дайте мне невозмутимый холод
И вольный смех, и вечную красу!..

Смирение!.. Как трудно жить под игом,
Уйти бы к вам и с вами отдохнуть,
И лишь одним, одним упиться мигом,
Потом навек безропотно уснуть!..

Ни женщине, ни Богу, ни отчизне,
О, никому отчета не давать
И только жить для радости, для жизни
И в пене брызг на солнце умирать!..

Но нет во мне глубокого бесстрастья:
И родину, и Бога я люблю,
Люблю мою любовь, во имя счастья
Все горькое покорно я терплю.

Мне страшен долг, любовь моя тревожна.
Чтоб вольно жить — увы! я слишком слаб...
О, неужель свобода невозможна,
И человек до самой смерти раб?

Если розы тихо осыпаются,
Если звезды меркнут в небесах,
Об утесы волны разбиваются,
Гаснет луч зари на облаках.

Это смерть, — но без борьбы мучительной,
Это смерть, пленяя красотой,
Обещает отдых упоительный, —
Лучший дар природы всеблагой.

У нее, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтоб с улыбкой кроткой и торжественной
Свой конец безропотно встречать.

МОЛИТВА О КРЫЛЬЯХ

Ниц простертые, унылые,
Безнадежные, бескрылые,
В покаянии, в слезах, —
Мы лежим во прахе прах,
Мы не смеем, не желаем,
И не верим, и не знаем,

И не любим ничего.
Боже, дай нам избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья Твоего.
О, спаси нас от бессилья,
Дай нам крылья, дай нам крылья,
Крылья духа Твоего!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глядим, глядим все в ту же сторону,
За мшистый дол, за топкий лес.
Вослед прокаркавшему ворону,
На край темнеющих небес.
Давно ли ты, громада косная,
В освобождающей войне,
Как Божья туча громоносная,
Вставала в буре и в огне?
О Русь! И вот опять закована,
И безглагольна, и пуста,
Какой ты чарой зачарована,
Каким проклятьем проклята?
И все ж тоска неодолимая
К тебе влечет: прими, прости.
Не ты ль одна у нас родимая?
Нам больше некуда идти.
Так, во грехе тобой зачатые,
Должны с тобою погибать
Мы, дети, матерью проклятые
И проклинаящие мать.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ

(1866—1949)

Родился в семье землемера. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета, затем завершал образование в Берлине. Защитил диссертацию на звание доктора истории, а в 1921 г. стал доктором филологии. Как поэт выступил в 1898 г. На творчество Вяч. Иванова наложило отпечаток увлечение философией Ф. Ницше и В. Соловьева. В 1924 г. Иванов эмигрировал, жил в Италии, занимался преподавательской деятельностью.

Вяч. Иванов проповедовал идеи преодоления разобщенности людей, он создал учение о наступлении нового периода в истории человечества, когда восторжествует «синтетическое», всенародное искусство и красота.

Стих Вяч. Иванова несколько утяжелен, наполнен архаичными чертами, он часто использует «заржавленный» язык, насыщенный церковно-славянизмами, экспериментирует с античными размерами, пытаясь влить в них новое содержание. Высшую задачу поэта он видел в выявлении божественной сущности вещей, т. е. в раскрытии символов, являющихся зерном религиозного мира.

«Символ только тогда истинный символ, — писал Иванов, — когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении... Он многолик, многомыслен и всегда темен в последней глубине».

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Над смертью вечно торжествует,
В ком память вечная живет,
Любовь зовет, любовь предчует;
Кто не забыл, — не отдает.

Скиталец, в даль — над зримой далью —
Взор ясновидящий вперя,
Идет утешенный печалью...
За ним — заря, пред ним — заря...

Кольцо и посох — две святыни —
Несет он верною рукой.
Лелеет пальма среди пустыни
Ночлега легкого покой.

ВОЗВРАТ

С престола ледяных громад,
Родных высот изгнанник вольный,
Спрядает светлый водопад
В теснинный мрак и плен юдольный¹.

А облако, назад — горé —
Путеводимое любовью,
Как агнец, жертвенною кровью
На снежном рдеет алтаре.

1902

---

¹ Юдоль (церк.-слав.) — долина; место, где страдают и мучатся.

ОСЕНЬЮ

Рощи холмов, багрецом испещренные,
Синие, хмурые горы вдали...
В желтой глуши на шипы изощренные
Дикае вьются хмели.

Луч кочевой серебром загорается...
Словно в гробу, остывая, Земля
Пышною скорбью солнц убирается...
Стройно дрожат тополя.

Ветра порывы... Безмолвия звонкие...
Катится белым забвеньем река...
Ты повилики закинула тонкие
В чуткие сны тростника.

1903

ОЗИМЬ

Как осенью ненастной тлеет
Святая озимь — тайно дух
Над черною могилой реет,
И только душ легчайший слух

Незадрожавший лепет ловит
Меж косных глыб, — так Русь моя
Немотой смерти прекословит
Глухим зачатием бытия.

1904

ВЕСЕННЯЯ ОТТЕПЕЛЬ

Ленивым золотом текло
Весь день и капало светило,
Как будто влаги не вместило
Небес прозрачное стекло.

И ключья хмурых облак, тая,
Кропили пегие луга.
Смеялась влага золотая,
Где млели бледные снега.

1905

ЛЮБОВЬ

Мы — два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бра;
Мы — два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела!

Мы — два коня, чьи держит удила
Одна рука, — одна язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы — двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почитет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы — Сфинкс единый оба.
Мы — две руки единого креста.

Жизнь — истома и метанье,
Жизнь — витанье
Тени бедной
Над плитой забытых рун;
В глубине ночных лагун
Отблеск бледный,
Трепетанье
Бликов белых,
Струйных лун;
Жизнь — полночное роптанье,
Жизнь — шептанье
Онемелых, чутких струн...
Погребенного восстанье
Кто содеет
Ясным зовом?
Кто владеет
Властным словом?
Где я? где я?
По себе я
Возалкал!
Я — на дне своих зеркал.
Я — пред ликом чародея
Ряд встающих двойников,
Бег предлунных облаков.

ЛЕБЕДИ

Лебеди белые кличут и плещутся...
Пруд — как могила, а запад — в пыланиях...

---

¹ «Пребываю в становлении, следовательно, существую...»
(лат.).

Дрожью предсмертною листья трепещутся,
Сердце в последних сгорает желаниях!

Краски воздушные, повечерелые
К солнцу в невидимых льнут окрылениях...
Кличут над сумраком лебеди белые,
Сердце исходит в последних томлениях!

За мимолетно-отсветными бликами
С жалобой рея пронзенно-унылою,
В лад я пою с их вечерними кликами —
Лебедь седой над осенней могилою...

1906

ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Дочь лесника незабудки рвала в осокé
В Троицын день;
Веночки плела над рекой и купалась в реке
В Троицын день...
И бледной русалкой всплыла в бирюзовом венке.

Гулко топор застучал на засеке лесной
В Троицын день;
Лесник с топором выходил за смолистой сосной
В Троицын день;
Тоскует и тужит, и чешет он гроб смоляной.

Свечка в светлице средь темного леса блестит
В Троицын день;
Под образами блеклый веночек над мертвой грустит
В Троицын день...
Бор шепчется глухо. Река в осокé шелестит...

1911

РЫБАЦКАЯ ДЕРЕВНЯ

Люблю за крайней из лачуг
Уже померкшего селенья,
В час редких звезд увидеть вдруг,
Застылый в трепете томленья,
Полувоздушный сон зыбей,
Где затонуло небо, тая...
И за четою тополей
Мелькнет раскиданная стая
На влаге спящих челноков;
И крест на бледности озерной,
Под рубищем сухих венков,
Запечатлеет вырез черный.
Чуть вспыхивают огоньки
У каменного водоема,
Где отдыхают рыбаки.
Здесь — тень, там — светлая истома...
Люблю сей миг: в небесной мгле
Мерцаний медленных несмелость,
И на водах и на земле
Всемирную осиротелость.

1912

УСТА ЗАРИ

Как уста, заря багряная горит:
Тайна нежная безмолвьем говорит.
Слышишь слова золотого вещий мед?
Солнце в огненном безмолвии встает!

Дан устам твоим зари румяный цвет,
Чтоб уста твои родили слово-свет.
Их завесой заревою затвори:
Только золотом и медом говори.

1912

Да, сей пожар мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит.

Гори ж, истлей на самозданном,
О сердце-Феникс¹, очаге
И суд свой узнавай в нежданном,
Тобою вызванном слуге.

Кто развязал Эолов² мех,
Бурь не кори, не фарисействуй.
Поет Трагедия: «Все грех,
Что действие», Жизнь: «Все за всех»,
А воля действенная: «Действуй!»

1919

---

¹ Феникс — сказочная птица, сжигающая себя и возрождающаяся из пепла.

² Эол — в греч. мифологии: бог ветров.

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ БАЛЬМОНТ

(1867—1942)

Родился в дворянской семье. Учился на юридическом факультете Московского университета, но был исключен за участие в студенческих волнениях. Первые произведения опубликовал в начале 90-х гг. Для них были характерны мотивы гражданской скорби, самоотречения, навеянные поздней народнической поэзией. Вслед за этим К. Бальмонт выступил как один из ранних представителей символизма.

Поэт сочувственно встретил революцию 1905 г., выступал с произведениями, обличающими самодержавие, некоторые из них публиковались в большевистской печати. В период реакции вынужден был эмигрировать, совершил несколько кругосветных путешествий, о которых рассказал в очерковых книгах. Однако Октябрьской революции поэт не принял и в 1921 г. выехал за границу.

Стихи К. Бальмонта мелодичны и певучи. Для них характерна импрессионистичность: умение схватить, запечатлеть в слове кратковременный, но выразительный и важный момент, настроение... Его стихи отличаются и стремлением к некой экзотичности, и гибкостью, и искусной внутренней рифмовкой, богатством аллитераций.

Поэт Максимилиан Волошин пишет: «Кто же Бальмонт в русской поэзии? Первый лирический поэт? Пред-

теча? Родоначальник? Выше он — или ниже других живущих?

На это нельзя ответить. Его нельзя сравнивать. Он весь — исключение. Его можно любить только лично...»

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далёко-далёко.
Во всем утомленье, глухое, немое.

Войди на закате, как в снежные волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно,
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

1900

СЛОВА-ХАМЕЛЕОНЫ

Слова-хамелеоны,
Они живут спеша.
У них свои законы,
Особая душа.

Они спешат меняться,
Являя все цвета;
Поблекнут — обновятся,
И в том их красота.

Все радужные краски,
Все, что чарует взгляд,
Желая вечной сказки,
Они в себе таят.

И сказка длится, длится
И нарушает плен.
Как сладко измениться, —
Живите для измен!

1901

КАК Я ПИШУ СТИХИ

Рождается внезапная строка,
За ней встает немедленно другая,
Мелькает третья, ей издалика
Четвертая смеется, набегая.

И пятая, и после, и потом,
Откуда, сколько — я и сам не знаю,
Но я не размышляю над стихом
И, право, никогда — не сочиняю.

ОСЕНЬ

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее.
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро осень проснется —
И заплачет спросонья.

1905

В ЗАРЕВЕ ЗОРЬ

С сердцем ли споришь ты? Милая! Милая!
С тем, что певуче и нежно, не спорь.
Сердце я. Греза я. Воля я. Сила я.
Вместе оденемся в зарево зорь.
Вместе мы встретили свѣты начальные,
Вместе оденемся в черный покров.
Но не печальные — будем зеркальные
В зареве зорном мерцающих снов.

1910

КТО КОГО

Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обгоню.
Я колдую. Вихри чую. Грею сбрую я коню.

Конь мой спорый. Топи, боры, степи, горы пролетим.
Жарко дышит. Мысли слышит. Конь — огонь
и побратим.

Враг мой равен. Полноправен. Чей скорей вскипит
бокал?
Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обогнал.

1915

УМЕЙ ТВОРИТЬ

Умей творить из самых малых крох,
Иначе для чего же ты кудесник?
Среди людей ты божества наместник,
Так помни, чтоб в словах твоих был бог.

В лугах расцвел кустом чертополох,
Он жесток, но в лиловом он — прелестник.
Один толкачик¹ — знойных суток вестник.
Судьба в один вместиться может вздох.

Маэстро итальянских колдований
Приказывал своим ученикам
Провидеть полный пышной славы храм

В обломках камней и обрывках тканей.
Умей хотеть — и силою желаний
Господень дух промчится по струнам.

1916

---

¹ Толкачик — подорожник.

ЛИШЬ С НЕЙ

Я был в России. Грачи кричали,
Весна дышала в мое лицо.
Зачем так много в тебе печали?
Нас обвенчали.- Храни кольцо.

Я был повсюду. Опять в России.
Опять тоскую. И снова нем.
Поля седые. Поля родные.
Я к вам вернулся. Зачем? Зачем?

Кто хочет жертвы? Ее несу я.
Кто хочет крови? Мою пролей.
Но дай мне счастья и поцелуя.
Хоть на мгновенье. Лишь с ней. С моей.

1917

ЗВУК

Тончайший звук, откуда ты со мной?
Ты создан птицей? Женщиной? Струной?
Быть может, солнцем? Или тишиной?

От сердца ли до сердца свеян луч?
Поэт ли спал, и был тот сон певуч?
Иль нежный с нежной заперся на ключ?

Быть может, колокольчик голубой
Качается, тоскуя сам с собой,
Заводит тяжбу с медленной судьбой?

Быть может, за преградою морей
Промчался ветер вдоль родных полей
И прошептал: «Вернись. Приди скорей».

Быть может, там, в родимой стороне,
Желанная томится обо мне,
И я пою в ее душе на дне?

И тот берущий кажущийся звук
Ручается, как призрак милых рук,
Что верен я за мглою всех разлук.

1920

РАЗЛУЧНОСТЬ

Я с вами разлучен, деревья,
Кругом ненужный мне Париж,
А там, где вы, вдали, кочевья
Звенящих пчел, улыбка девья
И солнце — праздник каждодневья.
Зеленовейность, воля, тишь.
А там, где вы, любая мушка
Звенит создателю хвалы,
Лесная вся в цветах опушка,
И, одиноких грез подружка,
Кукует гулкая кукушка
В душистом царстве нежной мглы.
Я с вами разлучен, щеглята,
Что звонко пели мне в окно,
Вся вольность от меня отъята,
И все мое неволей взято,
Мне помнится — я жил когда-то,
Но это было так давно.

ПРОСВЕТЫ

Блеснув мгновенным серебром,
В реке плотица в миг опаски
Сплетет серебряные сказки.

Телега тянет за холмом,
Домчится песня, улетаю,
И в сердце радость молодая.

И грусть. И отчий манит дом.
В душе растает много снега,
Ручьем заплачет в сердце нега.

И луч пройдет душевным дном,
И будешь грезить об одном,
О несравненном, о родном.

ОНА

В мгновенной прорези зарниц,
В крыле перелетевшей птицы,
В чуть слышном шелесте страницы,
В немом лице, склоненном ниц,

В глазке лазурном незабудки,
В веселом вскрике ямщика,
Когда качель саней легка
На свеже-белом первопутке,

В мерцанье восковой свечи,
Зажженной трепетной рукою,
В простых словах «Христос с тобою»,
Струящих краткие лучи,

В глухой ночи, в зеленоватом
Рассвете, источившем мрак,
И в петухах, понявших знак,
Чтоб перепеться перекатом,

В лесах, где папоротник, взвив
Свой веер, манит к тайне клада, —
Она одна, другой не надо,
Лишь ей, жар-птицей, дух мой жив.

И все пройдя пути морские,
И все земные царства дней,
Я слова не найду нежней,
Чем имя звучное: Россия.

1923

ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА ГИППИУС

(1869—1945)

Родилась в семье юриста из обрусевших немцев. Получила бессистемное домашнее образование. Со стихами выступила в печати в конце 80-х гг. Октябрьскую революцию З. Н. Гиппиус приняла крайне враждебно и в начале 1920 г., нелегально перейдя советско-польскую границу, вместе с мужем Д. С. Мережковским оказалась в эмиграции. С 1921 г. жила в Париже.

Для стихов Гиппиус характерны и проповедь самоабвенной чувственной любви, и мотивы христианского смирения, и мысли о страхе смерти и тлена. Главная ценность ее лирического героя — собственная личность. Постоянная тема поэтессы — глубокий душевный разлад человека, томимого собственным безверием, утратой общего смысла жизни. Ее человек во всем ищет абсолюта и чаще всего не находит.

Валерий Брюсов считал, что Гиппиус умеет дать «ясных четких образах все переживания современной души», а Мариэтта Шагинян утверждала: «...вся поэзия Гиппиус есть как бы запись борьбы — заключенных в душу человеческую — рабьей и сыновней миро- и самоосознанности».

ПЕСНЯ

Окно мое высоко над землею,
Высоко над землею.
Я вижу только небо с вечернею зарею,
С вечернею зарею.
И небо кажется пустым и бледным,
Таким пустым и бледным...
Оно не сжалится над сердцем бедным,
Над моим сердцем бедным.
Увы, в печали я безумной умираю,
Я умираю,
Стремлюсь к тому, чего не знаю,
Не знаю...
И это желание, не знаю, откуда
Пришло откуда,
Но сердце хочет и просит чуда,
Чуда!
О, пусть будет то, чего не бывает,
Никогда не бывает:
Мне бледное небо чудес обещает,
Оно обещает,
Но плачу без слез о неверном обете,
О неверном обете...
Мне нужно то, чего нет на свете,
Чего нет на свете.

1893

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я все уединенное,
Неявное люблю.

Я — раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов...

1896

ДО ДНА

Тебя приветствую, мое поражение,
тебя и победу я люблю равно;
на дне моей гордости лежит смирение,
и радость, и боль — все одно.

Над водами, стихнувшими в безмятежности
вечера ясного, — все бродит туман;
в последней жестокости есть бездонность
и в божией правде — божий обман. нежности

Люблю я отчаяние мое безмерное,
нам радость в последней капле дана.
И только одно здесь я знаю верное:
надо всякую чашу пить — до дна.

1901

К НЕЙ

О, почему тебя любить
Мне суждено неодолимо?
Ты снишься мне, иль, может быть,
Проходишь где-то близко, мимо,

И шаг твой дымкой я ловлю,
Слежу глухие приближенья...
Я холод риз твоих люблю,
Но трепещу прикосновенья.

Теряет бледные листы
Мой сад, тобой замороженный...
В моем саду проходишь ты, —
И я тоскую, как влюбленный.

Яви же грозное лицо!
Пусть разорвется дым покровы!
Хочу, боюсь — и жду я зова...
Войди ко мне. Сомкни кольцо.

1905

СВЯТОЕ

Печали есть повсюду...
Мне надоели жалобы;
Стихов слагать не буду...
О, мне иное жало бы!

Пчелиного больнее,
Змеиного колючее...
Чтоб ранило вернее, —
И холодило, жгучее.

Не яд, не смерть в нем будет;
Но с лаской утаенною,
Оно, впиваясь, — будит,
Лишь будит душу сонную.

Чтобы душа дрожала
От счастья безусловного...
Хочу — святого жала,
Божественно-любовного.

1905

ГРОЗА

А. А. Блоку

Моей души, в ее тревожности,
Не бойся, не жалей.
Две молнии — две невозможности,
Соприкоснулись в ней.

Ищу опасное и властное,
Слиянье всех дорог.
А все живое и прекрасное
Приходит в краткий срок.

И если правда здешней нежности
Не жалость, а любовь, —
Всесокрушающей мятежности
Моей не прекословь.

Тебя пугают миги вечные...
Уйди, закрой глаза.
В душе скрестились светлы встречные,
В моей душе — гроза.

1905

* * *

Верили
мы в неверное,

Мерили
мир любовь,
Падали
в смерть без ропота,
Радо ли
сердце Божие?
Зори
встают последние,
Горе
земли не изжито,
Сети
крепки, искусные,
Дети
земли опутаны.
Наша
мольба не услышана.
Чаша
еще не выпита.
Сети
невинных спутали,
Дети
земли обмануты...
Падали,
вечно падаем...
Радо ли
сердце Божие?

1910

L'imprévisibilité¹

По слову извечно Сущего,
Бесменен поток времен.
Чую ветер грядущего,
Нового Мига звон.

---

¹ L'imprévisibilité — непредвиденность (фр.).

С паденьем идет, с победою?
Оливу несет, иль меч?
Лица его я не ведаю,
Знаю лишь ветер встреч.

Летят нездешними птицами,
В кольцо бытия, вперед,
Миги с закрытыми лицами,
Как удержу их лет?

И в тесности, в перекрестности,
Хочу, не хочу ли я —
Черную топь неизвестности,
Режет моя ладья.

1914

СЕЙЧАС

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно — жить!

Лежим заплеваны и связаны,
По всем углам,
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, водители
Давно в бегах.
И только выются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжэль¹ — пути...

У. С.

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и воздыхание, —
Учредительное Собрание, —
Что мы с ним сделали?..

12 ноября 1917

ЕСЛИ

Если гаснет свет — я ничего не вижу.
Если человек зверь — я его ненавижу.
Если человек хуже зверя — я его убиваю.
Если кончена моя Россия — я умираю.

1918

ШЕЛ...

I

Белому и Блоку

По торцам оледенелым,
В майский утренний мороз,

---

¹ Викжэль — Всероссийский исполком железнодорожного профсоюза (1917—1919).

Шел, блестя хитоном белым,
Опечаленный Христос.

Он смотрел вдоль улиц длинных,
В стекла запертых дверей.
Он искал своих невинных
Потерявшихся детей.

Все — потерянные дети, —
Гневом Отчим дышат дни, —
Но вот эти, но вот эти,
Эти двое — где они?

Кто сирот похитил малых,
Кто их держит взаперти?
Я их знаю, Ты мне дал их,
Если отнял — возврати...

Покрывало в ветер билось,
Божьи волосы крутя...
Не хочу, чтоб заблудилось
Неразумное дитя...

В покрывале ветер свищет,
Гонит с севера мороз...

Никогда их не отыщет,
Двух потерянных — Христос.

ШЕЛ

II

Всем, всем, всем

По камням ночной столицы,
Провозвестник божьих гроз,

Шел, сверкая багряницей,
Негодующий Христос.

Темен лик Его суровый,
Очи гневные светлы.
На веревке, на пеньковой,
Тугосвитые узлы.

Волочатся, пыль целуют
Змиевидные концы...
Он придет, Он не минует,
В ваши храмы и дворцы,

К вам, убийцы, изуверы,
Расточители, скопцы,
Торгаши и лицемеры,
Фарисеи и слепцы!

Вот, на празднике нечистом
Он застигнет палачей,
И вопьются в них со свистом
Жала тонкие бичей.

Хлещут, мечут, рвут и режут,
Опрокинуты столы...
Будет вой и будет скрежет —
Злы пеньковые узлы!

Тише город. Ночь безмолвней.
Даль притайная пуста.
Да сверкает ярче молний
Лик идущего Христа.

1918

14 ДЕКАБРЯ 1918 ГОДА

Нас больше нет. Мы всё забыли,
Взвихрясь в невиданной игре.
Чуть вспоминаем, как вы стыли
В каре, в далеком декабре.

И как гремящий Зверь железный
Вас победив — не победил...
Его уж нет — но зверь из бездны
Покрыл нас нынче срадом крыл.

Наш конь домчался, бездорожен,
Безузден, яр, — куда, куда?
И вот исхлестан и стреножен,
Последнего он ждет суда.

Заветов тайных Муравьева
Свились напрасные листы...
Напрасно, Пестель, вождь суровый,
В узле пеньковом умер ты,

Напрасно всё: душа ослепла,
Мы преданы червю и тле,
И не осталось даже пепла
От «Русской Правды»¹ на земле.

1918

* * *

Господи, дай увидеть!
Молюсь я в часы ночные.

---

¹ Наиболее демократическая программа декабристов, разработанная П. И. Пестелем.

Дай мне еще увидеть
Родную мою Россию.

Как Симеону² увидеть
Дал Ты, Господь, Мессию,
Дай мне, дай увидеть
Родную мою Россию.

ГРЕХ

И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнанья.
Но злое дело — воздаянье
Само в себе, таясь, таит.

И путь наш чист, и долг наш прост.
Не надо мстить, не нам отмщенье.
Змея сама, свернувши звенья,
В свой собственный вопьется хвост.

И мы простим, и Бог простит.
Но грех прощения не знает,
Он для себя себя хранит,
Своею кровью кровь смывает,
Себя вовеки не прощает —
Хотя и мы простим, и Бог простит.

1938

---

² Симеон — старец, который не мог умереть, не увидев младенца Иисуса Христа.

ЮРГИС КАЗИМИРОВИЧ БАЛТРУШАЙТИС

(1873—1944)

Родился в крестьянской семье. Окончил историко-литературный факультет Московского университета. Печататься начал в 1899 г. Писал на русском и литовском языках.

В 1921—1939 гг. Балтрушайтис — полномочный представитель Литовской республики в СССР, с 1939 г. — советник литовского посольства во Франции.

Ю. Балтрушайтис принадлежал к школе русских символистов. Меньше, чем другие символисты, он увлекался поисками в области формы, ориентируясь преимущественно на классическую форму русского стиха. Философичность, масштабность поэтической мысли, обостренный интерес к коренным вопросам бытия человека — главные отличительные признаки его творчества. Часто стихи Балтрушайтиса пронизаны мотивами одиночества и неуверенности в понимании смысла существования человека.

Валерий Брюсов писал: «Основной пафос поэзии Ю. Балтрушайтиса — символизация всей окружающей действительности... Балтрушайтис ничего в жизни и ничего в мире не принимает просто, как явление, но во всем хочет видеть иносказание, символ».

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

С молитвой Солнцу встретил я зарю,
С молитвой свету провожаю день —
По мере часа бытия горю,
По мере рока погружаюсь в тень...

В вечернем небе — золото и кровь,
В вечернем поле — тишь, зола и дым, —
Но те же бездны снятся вновь и вновь,
Что снились в утро крыльям молодым...

Чем дальше жизнь, тем кротче круг тревог,
И тень вблизи, и зыбкий свет вдали —
Благослови, душа, земной порог
И горькое изгнание земли...

ОСЕНЬЮ

Брожу один усталым шагом
Глухой тропинкою лесной...
Певучий шелест над оврагом
Уже не шепчется со мной...

Синеют дали без привета...
Угрюм заглохший круг земли...
И, как печальная примета,
Мелькают с криком журавли...

Плывет их зыбкий треугольник,
Сливаясь с бледной синевой...
Молись, тоскующий невольник,
Свободе доли кочевой!

Вся мысль моя — тоска по тайне звездной...
Вся жизнь моя — стояние над бездной...

Одна загадка — гром и тишина,
И сонная беспечность и тревога,
И малый знак, и в синих высях Бога
Ночных светил живые письма...

Не диво ли, что, чередуясь, дремлет
В цветке зерно, в зерне — опять расцвет,
Что некий круг связующий объемлет
Простор вещей, которым меры нет!

Вся наша мысль — как некий сон бесцельный...
Вся наша жизнь — лишь трепет беспредельный...

За мигom миг в таинственную нить
Власть Вечности, бесстрастная, свивает,
И горько слеп, кто сумрачно дерзает,
Кто хочет смерть от жизни отличить...

Какая боль, что грозный храм Вселенной
Сокрыт от нас великой пеленой,
И скорбно мы, в своей тоске бессменной,
Стоим, века, у двери роковой!

ПРИБЛИЖЕНИЕ

Угрюмы скал решенные отвесы.
Пространство молкнет... Отдых от труда!
И близко разуму раскрытые завесы...
И кто-то вещей шепчет: Навсегда.

Все в мире ясно, понято, раскрыто...
Земля и небо — формула, скелет,
В котором все исчислено и слито,
И прежнего обмана больше нет.

Отсель — бескровность призрачных движений.
Как трепет страсти в сердце мудреца,
Унылая пора оцепенений
И бледный жар печального лица.

Ни голода, ни жажды — только Слово,
Как сумрачный, глухой и праздный звон,
Случайный отблеск пиршества былого,
Воспоминания неверный полусон!

И кончить бы — пока для оправданья
Возможна сила в стынувшей груди,
И только ты, невольница алканья,
Слепое сердце, молишь: Погоди!

* * *

Я видел надпись на скале:
Чем дальше путь, тем жребий строже,
И все же верь одной земле,
Землей обманутый прохожий...

Чти горечь правды, бойся лжи.
Гони от дум сомненья жало
И каждой искрой дорожи —
Цветов земли в Пустыне мало...

Живя, бесстрашием живи
И твердо помни в час боязни:
Жизнь малодушному в любви
Готовит худшую из казней.

ОДИНОЧЕСТВО

Средь людей, я средь — чужих...
Мне в этом мире не до них,
Как им, в борьбе и шуме дня,
Нет в жизни дела до меня...

В дороге дальней им, как мне,
Тужить, блуждать наедине...
Мне в мой простор, в мою тюрьму,
Входить на свете одному...

Пока в пути не встанет грань,
Нам всем томительную ткань
Рукою сирой в жизни ткать —
Душою замкнутой алкать...

Звучит по-разному у всех
Один и тот же стон и смех, —
На всех ткачей один станок,
Но каждый сир и одинок...

МОРЕ И КАПЛЯ

Море и капля, как колос и цвет,
Дышат, свершая все тот же завет,
В мире прядущий зиму и зной,
Вихрь и дремоту ветки лесной...

В ткани предвечной людские дела...
Чудо — наш Кормчий, мы — взмахи весла...
В трепете вечном — трепет минут...
Благости вечной годы цветут...

Час человека подобен волне...
Знаешь ли, смертный, в ночной глубине,
Встретив молитвой звездную тишь,
Чьими устами ты говоришь?

В блеске полудня, где час полноты
В мире Голгофы¹ вскрывает цветы,
Знаешь ли, странник, в труде и борьбе
Чья неземная дума в тебе?

* * *

Я гордо мудрствовал когда-то,
Что беглый жар в людской душе —
Лишь вечной цельности утрата,
Лишь шелест вихря в камыше...

И сердце билось и черствело,
Себя отняв от бытия,
И вот в груди осиротелой
Лишь боль проклятья мерил я...

А ныне я молюсь: Нетленно
Все, что приемлет праха лик,
И всей повторностью вселенной
Мой жребий смертного велик...

СКАЗКА

У людской дороги, в темный прах и ил,
Сеятель безмолвный тайну заронил...

---

¹ Голгофа — холм в окрестностях Иерусалима, на котором был распят Иисус Христос. Слово «Голгофа» употребляется как синоним мученичества и страданий.

И вскрываясь в яви, как светает мгла,
Острый листик к свету травка вознесла...

Вот и длились зори, дни и дни текли,
И тянулся стройно стебель от земли...

И на нем, как жертва, к солнцу был воздет
В час лазурной шири малый алый цвет...

Так и разрешилась в пурпуре цветка,
Все немотство праха, дольняя тоска...

И была лишь слава миру и весне —
Вот что скрыто, братья, в маковом зерне!

* * *

С верой в груди упорной,
Знающей колос пустой,
Сейте озимые зерна,
Ночь зари золотой.

Только предавший плугу
Слезы, молитвы и сны
Смутно услышит сквозь вьюгу
Звон грядущей весны...

Только в тревоге трудной,
В сумраке роющих прах,
Вспыхнет, как день изумрудный,
Свет на майских холмах...

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ КУЗМИН

(1875—1936)

Родился в дворянской семье. Окончил гимназию в Петербурге, учился в консерватории. Много путешествовал. Печататься начал в 1905 г. Примыкал к символистам, но уже в ранних стихах было заметно отсутствие мистических настроений, интерес к вещному изображению мира, бытовым деталям.

Стихи М. Кузмина обращены к чувственно-осяземому, предметному миру, в изображении которого господствует мотив иллюзорности, зыбкости, непостоянства. Его поэтическое мироощущение часто проникнуто мыслями об упадке, увядании культуры. При этом и к прошлому, и к настоящему он подходит как к условной театрализованной действительности, выдвигая в творчестве на первый план момент «игры», театрального и кукольного представления, «священного» фарса. Поэт несколько иронично и снисходительно смотрит на мир.

Николай Гумилев, видя в Кузмине своего единомышленника — поэта-акмеиста, писал о его творчестве: «...искусство, родившись от жизни, снова идет к ней, но не как грошовый поденщик, не как сварливый брызга, а как равный к равному».

ГАЗЕЛА¹

Цветут в саду фисташки, пой, соловей!
Зеленые овражки, пой, соловей!
По склонам гор весенних маков ковер;
Бредут толпой барашки. Пой, соловей!
В лугах цветы пестреют, в светлых лугах!
И кашки, и ромашки. Пой, соловей!
Весна весенний праздник всем нам дарит,
От шаха до букашки. Пой, соловей!
Смотря на глаз лукавый, карий твой глаз,
Проигрываю в шашки. Пой, соловей!
Мы сядем на террасе, сядем вдвоем...
Дымится кофий в чашке... Пой, соловей!
Но ждем мы ночи темной, песни мы ждем
Любимой милой пташки. Пой, соловей!
Прижмись ко мне теснее, крепче прижмись,
Как вышивка к рубашке. Пой, соловей!

1908

РОНДО²

В начале лета, юностью одета,
Земля не ждет весеннего привета,
Не бережет погожих теплых дней,
Но, расточительная, все пышней
Она цветет, лобзанием согрета.

---

¹ Газéла — газéль (араб.) — стихотворная форма в лирической поэзии Востока с однозвучной рифмой.

² Рондо (фр.) — круг; в литературе — стихотворная форма.

И ей не страшно, что далёко где-то
Конец таится радостных лучей,
И что недаром плакал соловей
В начале лета.

Не так осенней нежности примета:
Как набожный скупец, улыбки света
Она собирает жадно, перед ней
Не долг путь до комнатных огней,
И не найти вернейшего обета
В начале лета.

1910

* * *

Ветер с моря тучи гонит,
В засиявшей синеве
Облак рвется, облак тонет,
Отражается в Неве.

Словно вздыбив белых коней,
Заскакали трубачи.
Взмылясь бешеной погоней,
Треплют гривы космачи.

Пусть несутся в буйных клочьях
По эмали голубой,
О весенних полномочьях
Звонкою трубя трубой.

1911

* * *

Виденье мною овладело:
О золотом птицелове,

О пернатой стреле из трости,
О томной загробной роще.
Каждый кусочек тела,
Каждая капля крови,
Каждая крошка кости —
Милей, чем святые мощи!
Пусть я всегда проклинаем,
Кляните, люди, кляните,
Тушите костер кострами, —
Льду не сковать водопада,
Ведь мы ничего не знаем,
Как тянутся эти нити
Из сердца к сердцу сами...
Не знаем, и знать не надо!

1916

* * *

У всех одинаково бьется,
Но разное у всех живет,
Сердце, сердце, придется
Вести тебе с небом счет.
Что значит: «сердечные муки»?
Что значит: «любви восторг»?
Звуки, звуки, звуки
Из воздуха воздух исторг.
Какой же гений наклепит
На слово точный ярлык?
Только слух наш в слове «трепет»
Какой-то трепет ловить привык.
Любовь сама вырастает,
Как дитя, как милый цветок,
И часто забывает
Про маленький, мутный исток.

Не следил ее перемены —
И вдруг... о, боже мой,
Совсем другие стены,
Когда я пришел домой!
Где бег коня без уздечки?
Капризных бровей залом?
Как от милой, детской печки,
Веет родным теплом.
Широки и спокойны струи,
Как судоходный Дунай!
Про те, про те поцелуй
Лучше не вспоминай.
Я солнце предпочитаю
Зайчику мертвых зеркал,
Как Саул¹, я нашел и знаю
Царство, что не искал!
Спокойно ли? Ну да, спокойно.
Тепло ли? Ну да, тепло.
Мудрое сердце достойно,
Верное сердце светло.
Зачем же я весь холодею,
Когда Вас увижу вдруг,
И то, что выразить смею, —
Лишь рожденный воздухом звук.

1917

---

¹ Саул — царь, основатель Израильско-Иудейского царства, жил в XI в. до н. э.

МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЛОШИН

(Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин)

(1877—1932)

Родился в дворянской семье. Учился на юридическом факультете Московского университета, был исключен за участие в студенческих беспорядках. Долгое время жил за границей (в основном в Париже).

Октябрьской революции поэт не принял, заняв позицию «над схваткой», с 1917 г. безвыездно жил в Крыму, в Коктебеле, сделав свой дом местом отдыха и встреч русских писателей, композиторов, художников.

Для поэзии Волошина характерны мотивы философского созерцания природы, раздумий над ходом истории, трагическими судьбами человека и судьбами древних культур. Он облакает свои размышления в живописные картины, зримые, вещественные образы. С другой стороны, осязаемость, предметность изображения сочетается у Волошина с «опрозраченностью» поэтической речи, конкретность он смело сочетает с символикой. Сам поэт определял свой стиль как «нео-реализм», объединивший достижения символизма и импрессионизма. Явления современной эпохи Волошин стремится изображать как бы через дымку истории, «из перспективы других веков», считая это важнейшим условием художественного восприятия.

Валерий Брюсов писал о Волошине: «В каждом его стихотворении есть что-то останавливающее внимание: своеобразие выраженного в нем чувства, или смелость положенной в основание мысли (большей частью крайне парадоксальной), или оригинальность размера стиха, или просто новое сочетание слов, новые эпитеты, новые рифмы».

ДОЖДЬ

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза...
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.

А по окнам танцую
Все быстрее, быстрее,
И смеюсь, и ликую,
Вьются серые феи...

Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка.

На синеющем лаке
Разбегаются блики...
В проносащемся мраке
Замутились их лики...

Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятеньи,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья...

И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre Dame...

1904

* * *

Как мне близок и понятен
Этот мир — зеленый, синий,
Мир живых, прозрачных пятен
И упругих гибких линий.

Мир стряхнул покров туманов.
Четкий воздух свеж и чист.
На больших стволах каштанов
Ярко вспыхнул бледный лист.

Небо целый день моргает,
(Прыснет дождик, брызнет луч),
Развивает и свивает
Свой покров из сизых туч.

И сквозь дымчатые щели
Потускневшего окна
Бледно пишет акварели
Эта бледная весна.

ЗЕРКАЛО

Я — глаз, лишенный век. Я брошено на землю,
Чтоб этот мир дробить и отражать...
И образы скользят. Я чувствую, я внемлю,
Но не могу в себе их задержать.

И часто в сумерках, когда дымятся трубы
Над синим городом, а в воздухе гроза —
В меня глядят бессонные глаза
И черною тоской запекшиеся губы.

И комната во мне. И капает вода.
И тени движутся, отходят, вырастая.
И тикают часы, и капает вода,
Один вопрос другим перебивая.

И чувство смутное шевелится на дне.
В нем радостная грусть, в нем сладкий страх
разлуки...
И я молю его: «Останься, будь во мне, —
Не прерывай рождающейся муки»...

И вновь приходит день с обычной суетой,
И бледное лицо лежит на дне — глубоко...
Но время, наконец, застынет надо мной,
И тусклою плевой мое затянет око!

1905

ИЗ ЦИКЛА «КИММЕРИЙСКИЕ СУМЕРКИ»

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры,
В огне кустарники и воды как металл.
А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках — намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,
Вот холм сомнительный, подобный вздутым
ребрам.

Вот согнутый хребет порос, как шерстью, чобром¹.
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?
Здесь душно в тесноте... А там — простор,
свобода,
Там дышит тяжело усталый Океан
И веет запахом гниющих трав и йода.

1907

РОССИЯ

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвывается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной —
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветленной
Всей красотой земли.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

---

¹ Чобр (чабер) — травянистое или полукустарниковое душистое растение.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленной верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

1915

ТРИХИНЫ

Появились новые трихины..

Ф. Достоевский¹

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей,
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремесла, земледелие, машины
Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут — мор, голод и война.

---

¹ Эпиграф восходит к эпилогу «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей».

Ваятель душ, воззвавший к жизни племя
Страстных глубин, провидел наше время.
Пророчественною тоской объят
Ты говорил томимым нашей жаждой,
Что мир спасется красотой, что каждый
За всех во всем пред всеми виноват.

КРАСНОГВАРДЕЕЦ

1917 год

Скакать на красном параде
С кокардой на голове
В расплавленном Петрограде,
В революционной Москве.

В бреду и в хмельном азарте
Отдаться лихой игре.
Стоять за Родзянку в марте,
За большевиков в октябре.

Толпиться по коридорам
Таврического дворца,
Не видя буржуйным спорам
Ни выхода, ни конца.

Оборотиться к собранью,
Рукою поправив ус,
Хлестнуть площадною бранью,
На ухо заломив картуз.

И показавшись толковым —
Ввиду особых заслуг
Быть посланным с Муравьевым
Для пропаганды на юг.

Идти запущенным садом.
Щупать замок штыком.
Высаживать дверь прикладом.
Толпою врываться в дом.

У бочек выломав днища,
В подвал выпускать вино,
Потом подпалить горище
Да выбить плечом окно.

В Раздельной, под Красным Рогом
Громить поместья и прочь
В степях по грязным дорогам
Скакать в осеннюю ночь.

Забравши весь хлеб, о «свободах»
Размазывать мужикам.
Искать лошадей в комодах
Да пушек по коробкам.

Палить из пулеметов:
Кто? с кем? Да не все ль равно?
Петлюра, Григорьев, Котов,
Таранов или Махно...

Слоняться буйной оравой.
Стать всем своим невтерпеж.
И умереть под канавой
Расстрелянным за грабеж.

1919

НА ДНЕ ПРЕИСПОДНЕЙ

(Памяти А. Блока и Н. Гумилева)

С каждым днем всё диче и всё глуше
Мертвенная цепенеет ночь.

Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь!

И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь¹, встать из гроба!

1922

РУСЬ ГУЛЯЩАЯ

В деревнях погорелых и страшных,
Где толчется шатуший народ,
Шлендит пьяная в лохмах кумашных
Да бесстыжие песни орет.

Сквернословит, скликает напасти,
Пляшет голая — кто ей заказ?
Кажет людям срамные части,
Непотребства творит напоказ.

---

¹ Л а з а р ь — библейский герой, воскресший по велению Христа.

А проснувшись, бьется в подклетях,
Да ревет, завернувшись в платок,
О каких-то расстрелянных детях,
О младенцах, засоленных впрок.

А не то разинет глазища
Да вопьется, вцепившись рукой:
«Не оставь меня смрадной и нищей,
Опозоренной и хмельной.

Покручинься моею обидой,
Погорюй по моим мертвецам,
Не продай басурманам, не выдай
На потеху лихим молодцам...

Вся-то жизнь в теремах под засовом...
Уж натешились вы надо мной...
Припаскудили пакостным словом,
Припоганили кличкой срамной».

Разве можно такую оставить,
Отчураться, избыть, позабыть?
Ни молитвой ее не проплавить,
Ни любовью не растопить...

Расступись же, кровавая бездна!
Чтоб во всей полноте бытия
Всенародно, всемирно, всезвездно
Просияла правда твоя!

1923

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

(Борис Николаевич Бугаев)

(1880—1934)

Сын профессора математики. Окончил естественное отделение Московского университета. Представитель «младшего» поколения символистов.

Выступил в печати со стихами в 1901 г. В теоретических работах и литературно-критических выступлениях развивал идею религиозности содержания искусства, постижения запредельного, утверждал превосходство интуиции над логикой, необходимость подчинения искусства законам музыки, — все это в полной мере нашло отражение в его оригинальной и самобытной поэзии.

В поэзии А. Белого органично сочетаются пафос и ирония, бытовые зарисовки и интимные переживания, картины природы и философские размышления... Поэт признавался: «Мне всю жизнь грезилась какие-то новые формы искусства, в которых художник мог бы пережить себя слиянным со всеми видами творчества... Я хотел вырваться из тусклого слова к яркому».

ВО ХРАМЕ

Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже...
Лампад пунцовый блеск и тихий возглас: «Боже...»

И снова я молюсь, сомненьями томим.
Угодники со стен грозят перстом сухим.

Лицо суровое чернеет из киота¹
да потемневшая с веками позолота.

Забил поток лучей расплавленных в окно...
Все просветилось вдруг, все солнцем зажжено:

И «Свете тихий»² с клироса³ воззвали,
и лики золотом пунцовым заблистали.

Восторгом солнечным зажженный иерей⁴,
повитый ладаном, выходит из дверей.

1903

НА УЛИЦЕ

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу распустивши свой зонт.
И дымом фабричные трубы
Плюют в огневой горизонт.

Вам отдал свои я напевы —
Грохочущий рокот машин,
Печей раскаленные зевы!
Все отдал; и вот — я один.

---

¹ Ки́от — створчатая рама или шкафчик со стеклянной дверцей для икон.

² «Свете тихий» — псалом.

³ Кли́рос — место для певчих в церкви на возвышении перед алтарем.

⁴ Иере́й — священник.

Пронзительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке —
Прижался: поник головой...

А вихри в нахмуренной тверди
Волокна ненастные вьют; —
И клены в чугунные жерди
Багряными листьями бьют.

Сгибаются, пляшут, закрыли
Окрестности с воплем мольбы,
Холодной отравленной пыли —
Взлетают сухие столбы.

1904

ОСЕНЬ

Мои пальцы из рук твоих выпали.
Ты уходишь — нахмурила брови.

Посмотри, как березки рассыпали
Листья красные дождиком крови.

Осень бледная, осень холодная,
Распростертая в высях над нами.

С горизонтов равнина бесплодная
Дышит в ясную твердь облаками.

1906

ПУТЬ

Измерили верные ноги
Пространств разбежавшихся вид.

По твердой, как камень, дороге
Гремит таратайка, гремит.

Звонит колоколец невнятно.
Я болен — я нищ — я ослаб.
Колеблются яркие пятна
Вон там разоравшихся баб.

Меж копен озимого хлеба
На пыльный, оранжевый клен
Слетела из синего неба
Чета ошалелых ворон.

Под кровлю взойти да поспать бы,
Да сутки поспать бы сподряд.
Но в далях деревни, усадьбы
Стеклом искрометным грозят.

Чтоб бранью сухой не встречали,
Жилье огибаю, как трус, —
И дале — и дале — и дале —
Вдоль пыльной дороги влекусь.

1906

ОТЧАЯНЬЕ

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —

Туда, на равнине горбатой,
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —

Туда, — где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

1908

ВОСПОМИНАНИЕ

Декабрь... Сугробы на дворе...
Я помню вас и ваши речи;
Я помню в снежном серебре
Стыдливо дрогнувшие плечи.

В марсельских белых кружевах
Вы замечтались у портьеры:
Кругом на низеньких софах
Почтительные кавалеры.

Лакей разносит пряный чай...
Играет кто-то на рояли...
Но бросили вы невзначай
Мне взгляд, исполненный печали.

И мягко вытянулись, — вся
Воображенье, вдохновенье, —
В моих мечтаньях воскреся
Невыразимые томленья;

И чистая меж нами связь
Под звуки гайдновских мелодий
Рождалась... Но ваш муж, косясь,
Свой бакен теребил в проходе...

Один — в потоке снеговом...
Но реет над душою бедной
Воспоминание о том,
Что пролетело так бесследно.

1908

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть.

Пролетаю: так пусто, так голо...
Пролетают — вот там и вон здесь —
Пролетают — за селами села,
Пролетают — за весями весь; —

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у груди: —
Там — убогие стаи избенок,
Там — убогие стаи людей.

Мать Россия! Тебе мои песни, —
О немая, суровая мать! —
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

Поезд плачется. Дали родные.
Телеграфная тянется сеть —
Там — в пространства твои ледяные
С буреломом осенним гудеть.

1908

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Увы! не избегу судьбы я,
Как загремят издалека
Там громовые, голубые,
В твердь возлетая облака, —

За не взволнованные силы
Их громовой круговорот, —
Над бездной мировой могилы
Молниеблещущий полет.

В поток быстротекущей жизни,
В житейский грозовой туман,
Забыв о неземной отчизне,
Низринулся, и все — обман.

Увы! не избегу судьбы я,
И смерть моя недалека.
И громовые, голубые
В дверь взлетают облака.

1908

ЗВЕЗДА

Упал на землю солнца красный круг.
И над землей, стремительно блистая,
Приподнялась зеркальность золотая
И в пятнах пепла тлела.
Все вокруг вдруг стало: и — туманисто
И — серо...
Стеклянно зеленеет бирюза,
И яркая заяснилась слеза —
Алмазная, алмазная Венера.

1914

РАЗВАЛЫ

Есть в лете что-то роковое, злое...
И — в вое злой зимы...
Волнение, кипение мирское!
Плененные умы!

Все грани чувств, все грани правды стерты;
В мирах, в годах, в часах
Одни тела, тела, тела простерты,
И — праздный прах.

В грядущее проходим — строй за строем —
Рабы: без чувств, без душ...
Грядущее, как прошлое, покроем
Лишь грудой туш.

В мятеж миров, — в немаревые муки,
Когда-то спасший нас, —
Простри ж и Ты измученные руки, —
В который раз.

1916

АСЕ

(При прощании с ней)

Лазурь бледна: глядятся в тень
Громадин каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнул стремительные пики.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг, —
Не осуди мое молчанье;
В нем — грусть: стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

1916

* * *

Я — отстрадал; и — жив... Еще заморыш навий¹
Из сердца изредка свой подымает писк...

¹ Навий — прилаг. от сущ. навь — мертвец, покойник.

Но в переполненной, пересиявшей яви
Тысячемоленный, гремучий светом диск.

Мне снова юностно: в душе, — в душе, кликуше —
Былые мглы и дни раздельно прочтены.
Ты, — ненаглядная?.. Ах, — оветряет уши
Отдохновительный, веселый свист весны.

Все, все — отчетливо, углубленно, понятно
В единожизненном рожденье «я» из «ты».
Мгла — лишь ресницами рождаемые пятна:
Стененье солнечной, бестенной высоты.

1926

ВЕЧЕР

Точно взглядами, полными смысла,
Просияли, —
Мне ядом горя, —
Просияли
И тихо повисли
Облаков злато-карих края...

И взгонят беспризорны выси
Перелетным
Болотным глазком;
И — зарыскают быстрые рыси
Над болотным —
Над черным — леском.

Где в шершавые, ржавые травы
Исчирикался летом
Сверчок, —
Просвещается злой и лукавый,

Угрожающий светом
Зрачок.

И — всплывает
Сквозное болото;
Проиграет
Сквозным серебром;
И — за тучами примется кто-то
Перекатывать медленный гром.

Слышу — желтые хохоты рыси.
Подползет; и — окрысится: «Брысь!..»
И проискрится в хмурые
Выси
Желто-черною шкурою
Рысь.

1922

* * *

Мигнет медовой желтизною скатов;
Пахнет в окно сосною смоляной;
Лимонна — бабочка... И томно матов
Над голубем голубизною зной.

Из-за чехла — мельканье мелкой моли;
Из сердца — слов веселый перещелк.
Мне не к лицу лирические роли;
Не подберешь безúтолучи толк.

Я над собой — песчанистою дюной —
В который раз пророс живой травой!
Вспорхнув, веду, — нелепо, глупо, юно, —
В который раз — напев щеглячий свой.

В который раз мне и близки, и милы, —
Кустов малиновые листики,
Целительно расплещенные силы
И длительно обещенные дни.

В который раз мне — из меня —дохнула
Сознанию незнаемая мощь, —
Волной неумолкаемого гула,
Парной жарой и птичьим щелком рощ.

1926

САША ЧЕРНЫЙ

(Александр Михайлович Гликберг)

(1880—1932)

Родился в семье провизора. Учился в Гейдельбергском университете (Германия). Печататься начал в 1904 г. Сотрудничал во многих столичных сатирических журналах, особенно активно в «Сатириконе». Был участником первой мировой войны. Эмигрировал в 1920 г.

Саша Черный — поэт-сатирик и автор детских стихов. Его меткие, беспощадные сатиры разоблачали реакцию, зло высмеивали испуганного и опустившегося интеллигента, отказавшегося от идеалов. Частые мотивы его стихов — жалобы на мелочность, пустоту и однообразие окружающей жизни. Поэт создает оригинальную маску интеллигентного обывателя, под прикрытием которой беспощадно бичует мещанство в различных сферах общественно-литературной жизни. Нередко смех его при этом окрашен в трагические тона пессимизма и безверия.

А. И. Куприн считал, что в сатирах Саши Черного «каждое сжатое слово подобно удару резца по мрамору», а сам поэт — «ласковый и скромный рыцарь, в щите которого, заменяя герольда, смеется юмор и сверкает капелька слезы».

НОВОГОДНИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ

Если беден ты талантом,
Будешь флигель-адъютантом,
Лишь командуй «пли» да «пли»
Да людей кругом вали...

Если ты рожден курьером,
Будешь графом и премьером,
Настроенья примечай,
На хозяина не лай.

Если ты рожден шакалом,
Будешь вице-адмиралом,
Броненосцев не чини,
Что увидишь — все тyani!

Если ты рожден неверно¹,
Будешь в Пажеском² наверно —
Только ты в своем кругу
О папаше ни гу-гу...

Если ты рожден дурашкой,
Будешь маленьким плюгашкой —
Вправо, влево, как волчок,
Будешь прыгать, дурачок.

Если ты не под надзором,
Будешь скоро прокурором —
Ибо только прокурор
Не берется под надзор...

---

¹ Имеется в виду: рожден вне брака.

² Пажеский корпус — привилегированное учебное заведение.

Если ты рожден евреем,
Значит — должен быть злодеем,
Ибо Меньшиков¹ кричит,
Что Россию «жид» мутит.

Если вы душою чисты,
Значит, вы социалисты:
Кто не вор и не шпион,
В список красных занесен.

Остальных, коль не убьют,
В Думу членами пошлют, —
Но увы, не знаю сам,
Не повесят ли их там...

1905

ДО РЕАКЦИИ

Пародия

Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.

Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь спокоен:
Старый гнет вернется...

1906

---

¹ Меньшиков М. О. (1859—1919) — реакционный публицист черносотенного толка, сотрудник газеты «Новое время».

ИНТЕЛЛИГЕНТ

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
И беспомощно свесив усталый язык,
Не раздевшись, он спит в европейской одежде
И храпит, как больной паровик.

Истомила идея бесплодьем интрижек,
По углам паутина ленивой тоски,
На полу вороха неразрезанных книжек
И разбитых скрижалей куски.

За окном непогода лютует и злится...
Стены прочны, и мягок пружинный диван.
Под осеннюю бурю так сладостно спится
Всем, кто бледной усталостью пьян.

Дорогой мой, шепни мне сквозь сон по секрету,
Отчего ты так страшно и тупо устал?
За несбыточным счастьем гонялся по свету
Или, может быть, землю пахал?

Дрогнул рот. Разомкнулись тяжелые вежды¹,
Монотонные звуки уныло текут:
«Брат! Одну за другой хоронил я надежды,
Брат! От этого больше всего устают.

Были яркие речи и смелые жесты
И неполных желаний шальной хоровод.
Я жених непришедшей прекрасной невесты.
Я больной, утомленный урод».

---

¹ В е ж д ы — (устар.) — веки.

Смолк. А буря все громче стучала в окошко.
Билась мысль, разгораясь и снова таясь.
И сказал я, краснея, тоскуя и злясь:
«Брат! Подвинься немножко».

1908

ОБСТАНОВЧКА

Ревет сынок. Побит за двойку с плюсом,
Жена на локоны взяла последний рубль,
Супруг, убитый лавочкой и флюсом,
Подсчитывает месячную убыль.
Кряхтят на счетах жалкие копейки:
Покупка зонтика и дров пробила брешь,
А розовый капот из бумазейки
Бросает в пот склонившуюся плешь.
Над самой головой насвистывает чирик
(Хоть птичка божия не кушала с утра),
На блюде киснет одинокий рыжик,
Но водка выпита до капельки вчера.
Дочурка под кроватью ставит кошке клизму,
В наплыве счастья полуоткрывши рот,
И кошка, мрачному предавшись пессимизму,
Трагичным голосом взволнованно орет.
Безбровая сестра в облезлой кацевейке
Насилует простуженный рояль,
А за стеной жиличка-белошвейка
Поет романс: «Пойми мою печаль».
Как не понять? В столовой тараканы,
Оставя черствый хлеб, задумались слегка,
В буфете дребезжат сочувственно стаканы,
И сырость капает слезами с потолка.

1909

СТИЛИСТЫ

На последние полушки¹
Покупая безделушки,
Чтоб свалить их в Петербурге
В ящик старого стола, —

У поддельных ваз этрусских
Я нашел двух бравых русских,
Зычно спорящих друг с другом,
Тыча в бронзу пятерней:

«Эти вазы, милый Филя,
Ионического стиля!»
— «Брось, Петруша! Стиль дорийский
Слишком явно в них сквозит...»

Я взглянул: лицо у Фили
Было пробкового стиля,
А из галстука Петруши
Бил в глаза армейский стиль.

1910

РОЖДЕНИЕ ФУТУРИЗМА

Художник в парусиновых штанах,
Однажды сев случайно на палитру,
Вскочил и заметался впопыхах:
«Где скипидар?! Давай — скорее вытру!»

Но, рассмотревши радужный каскад,
Он в трансе творческой интуитивной дрожи

---

¹ Полúшка — в старину: мелкая медная монета.

Из парусины вырезал квадрат
И... учредил салон «Ослиной кожи».

1912

НА ПОПРАВКЕ

Одолела слабость злая,
Ни подняться, ни вздохнуть:
Девятнадцатого мая
На разведке ранен в грудь.

Целый день сижу на лавке
У отцовского крыльца,
Утки плещутся в канавке,
За плетнем кричит овца,

Все не верится, что дома...
Каждый камень — словно друг.
Ключ бежит тропой знакомой
За овраг в зеленый луг.

Эй, Дуняша, королева,
Глянь-ка, воду не пролей!
Бедра вправо, ведра влево,
Пятки сахара белей.

Подсобить? Пустое дело!..
Не удержишь, поплыла,
Поплыла, как лебедь белый,
Вдоль широкого села.

Тишина. Поля глухие,
За оврагом скрип колес...
Эх, земля моя Россия,
Да хранит тебя Христос!

1916

Здравствуй, Муза! Хочешь финик?
Или рюмку марсалы¹?
Я сегодня именник...
Что глядишь во все углы?

Не сердись: давай ладошку,
Я ее к глазам прижму...
Современную окрошку,
Как и ты, я не пойму.

Одуванчик бесполезный,
Факел нежной красоты!
Грохот дьявола над бездной
Надоел до тошноты...

Подари мне час беспечный!
Будет время — все уснем.
Пусть волною быстротечной
Хлещет в сердце день за днем.

Перед меркнувшим камином
Лирой вмиг спугнем тоску!
Хочешь хлеба с маргарином?
Хочешь рюмку коньяку?

И улыбка молодая
Загорелась мне в ответ:
«Голова твоя седая,
А глазам — шестнадцать лет!»

1923

---

¹ Марсала — десертное крепкое виноградное вино.

КАМЕНЩИКИ

Ноги грузные расставивши упрямо,
Каменщики в угловом быстро сидят, —
Локти широко уперлись в мрамор...
Пьют, беседуют и медленно едят.

На щеках — насечкою известка,
Отдыхают руки и бока.
Трубку темную зажав в ладони жесткой,
Крайний смотрит вдаль, на облака.

Из-за стойки розовая тетка
С ними шутит, сдвинув вина в масть...
Пес хозяйский подошел к ним кротко,
Положил на столик волчью пасть.

Дремлют плечи, пальцы — на бокале.
Усмехнулись, чокнулись втроем.
Никогда мы так не отдыхали,
Никогда мы так не отдохнем...

Словно житель Марса, наблюдаю
С завистью беззлобной из угла:
Нет пути нам к их простому раю,
А ведь вот он — рядом, у угла...

1932

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КЛЮЕВ

(1884—1937)

Родился в крестьянской семье. Получил домашнее образование. Много странствовал по стране, принимал участие в движении сектантов. Н. Ключев приветствовал Октябрьскую революцию, увидев в ней осуществление мечты о мужицком рае, но быстро разочаровался в новой власти. Несколько раз подвергался арестам, ссылался в Сибирь. Арест летом 1937 г. стал для него последним, — осенью того же года он погиб.

Многие (особенно ранние) произведения Н. Ключева выдержаны в духе раскольничьих песен, духовных стихов. Его художественная система во многом питается формами богослужебной обрядности, древнерусской книжности, фольклора. Его образы часто совмещают мистическую символику с «земляным», «кондовым» бытом, «дремучую Русь» с Древним Востоком.

Лучшая часть поэтического наследия Ключева — стихи о природе и крестьянском быте. Мотивы поклонения земле, солнцу, чистому небу и звездам у Ключева иногда приобретают мистический оттенок. В его творчестве очень важен мотив противопоставления хрупкой и беззащитной природы городу, «железу».

Осип Мандельштам писал: «Ключев пришел с величавого Олонца¹, где русский быт и русская мужицкая

¹ Н. Ключев родился в дер. Коштуги Олонецкой губернии.

речь покоится на эллинской¹ важности и простоте. Ключев народен потому, что в нем сживается ямбический дух Баратынского с вещим напевом неграмотного оло-нецкого сказителя».

* * *

«Безответным рабом
Я в могилу сойду,
Под сосновым крестом
Свою долю найду».

Эту песню певал
Мой страдалец-отец
И по смерти завещал
Допевать мне конец.

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит.

Не безгласным рабом,
Проклиная житье,
А свободным орлом
Допою я ее.

1905

ПРОГУЛКА

Двор, как дно огромной бочки,
Как замкнутое кольцо;

---

¹ Эллинский — имеющий отношение к греческому языку, культуре.

За решеткой одиночки
Чье-то белое лицо.

Темной кофточки полоски,
Как ударов давних след,
И девической прически
В полумраке силуэт.

После памятной прогулки,
Образ светлый и родной,
В келье каменной и гулкой
Буду грезить я тобой.

Вспомю вечер безмятежный,
В бликах радужных балкон
И поющий скрипкой нежной
За оградой гаммофон,

Светлокрашенную шляпку,
Весел мерную молву,
Рядом девушку-голубку —
Белый призрак наяву...

Я все тот же — мощи жаркой
Не сломил тяжелый свод...
Выйди, белая русалка,
К лодке, дремлющей у вод!

Поплывем мы... Сон нелепый!
Двор, как ямы мрачной дно,
За окном глухого склепа
И зловеще и темно.

1907

Я надену черную рубаху
И вослед за мутным фонарем
По камням двора пойду на плаху
С молчаливо-ласковым лицом.

Вспомню маму, крашеную прялку,
Синий вечер, дрему паутин,
За окном ночующую галку,
На окне любимый бальзамин,

Луговин поемные просторы.
Тишину обкошенной межи,
Облаков жемчужные узоры
И девичью песенку во ржи:

Узкая полосынька
Клинышком сошлась —
Не вовремя косынька
На две расплелась!

Развилась по спинушке,
Как льняная плеть, —
Не тебе, детинушке,
Девушкой владеть!

Деревца вилавого
С маху не срубить —
Парня разудалого
Силой не любить!

Белая березонька
Клонится к дождю...

Не кукуй, загóзынька¹,
Про судьбу мою!..

Но прервут куранты крепостные
Песню-думу боем роковым...
Бред души! То заводи речные
С тростником поют береговым.

Сердца сон, кроmeshный, как могила!
Опустил свой парус рыбарь-день.
И слезятся жалостно и хило
Огоньки прибрежных деревень.

1908

ПОЭТ

Наружный я и зол и грешен,
Неосязаемый — речист,
Мной мрак полуночи кроmeshен,
И от меня закат лучист.

Я смехом солнечным младенца
Пустыню жизни оживлю
И жажду душ из чаши сердца
Вином певучим утолю.

Так на рассвете вдохновенья
В слепом безумье грезил я,
И вот предтечею забвенью
Шипит могильная змея.

Рыдает колокол усопший
Над прахом выветренных плит,

---

¹ Загóзынька (арх., диалект.) — кукушка.

И на кресте венок поблекший
Улыбкой солнце золотит.

1908

* * *

Я молился бы лику заката,
Темной роще, туману, ручьям,
Да тяжелая дверь каземата
Не пускает к родимым полям —

Наглядеться на бора опушку,
Листопадом, смолой подышать,
Постучаться в лесную избушку,
Где за пряжею старится мать...

Не она ли за пряслом решетки
Ветровою свирелью поет...
Вечер нижет янтарные четки,
Красит золотом треснувший свод.

1912

* * *

Я люблю кладбищенской сторожки
Свист костра и ржанье жеребят,
Под луной как призраки деревья
И ночной железный листопад.

Я люблю кладбищенской сторожки
Нежилой, пугающий уют,
Дальний звон и с крестиками ложки,
В чьей резьбе заклатья живут.

Зорькой тишь, гармонику в потемки,
Дым овина, в росах коноплю...
Подивятся дальние потомки
Моему безбрежному «люблю».

Что до них? Улыбчивые очи
Ловят сказки теми и лучей...
Я люблю остóжья¹, грай² сорочий,
Близь и дали, рощу и ручей.

1914

* * *

Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым «молчи»,
У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладандохнул папирасой
И плевком незабудку обжег.
Зарябило слезинками плесо,
Сединою заиндевел мох.

Светлый отрок — лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,
Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностай...

---

¹ Остóжье (устар.) — луг, покос.

² Грай — вороний крик.

Сын железа и каменной скуки
Попирает берёстяный рай.

1915

ИЗ ЦИКЛА «ИЗБЯНЫЕ ПЕСНИ» (1914—1916)

Зима изгрызла бок у стога,
Вспорола скирды, но вдомек
Буренке пегая дорога
И грай нахохленных сорок.

Сороки хохлятся — к капели,
Дорога пегая — быть теплу.
Как лещ наживку, ловят ели
Луча янтарную иглу.

И луч бежит в переполохе,
Ныряет в хвои, в зыбь ветвей...
По вечерам коровьи вздохи
Снотворней бабкиных речей:

«К весне пошло, на речке глыбко,
Буренка чует водополь...»
Изба дремлива, словно зыбка,
Где смолкли горести и боль.

Лишь в поставце², как скряга злато,
Теленье числя и удои,
Подойник с крынкою щербатой
Тревожит сумрак избяной.

---

¹ Водополь (устар.) — половодье, разлив реки.

² Поставец (устар.) — полочки или шкаф для расхожей посуды.

* * *

В заборной щели солнышка кусок —
Стихов веретено, влюбленности исток,
И мертвых кашек в воздухе дымок...
Оранжевый сентябрь плетет земле венки.

Предзимняя душа, как тундровый олень,
Стремится к полюсу, где льдов седая лень,
Где ледовитый дуб возносит сполох-сень,
И эскимоска-ночь укачивает день.

В моржовой зыбке светлое дитя
До матушки-зари прикурнуло, грустя...
Поземок-дед, ягельником хрустя,
За чумом бродит, ежась и кряхтя.

Душа-олень летит в алмаз и лед,
Где время с гарпуном, миров стерляжий ход,
Чтобы закликать май, гусиный перелет,
И в поле, как стихи, суслонный¹ хоровод.

В заборной щели солнечный глазок
Глядит в овраг души, где слезка-ручеек
Звенит украдкой меж галек — серых строк,
Что умерла любовь и нежный май истек.

1919

* * *

Стариком, в лохмотья одетым,
Притащусь к домовой ограде...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб Христа ради!

---

¹ Суслон — составленные для просушки на жнивье снопы.

Я скоротал все проселки,
Придорожные пни и камни...
У горничной в плоской наколке
Боязливо спрошу: «Куда мне?»

В углу шарахнутся трости
От моей обветренной палки,
И хихикнут на деда-гостя
С дорогой картины русалки.

За стеною Кто и Не знаю
Закинут невод в Чужое...
И вернусь я к нищему раю,
Где Бог и Дерево печное.

Под смоковницей солодовой
Умолкну, как Русь, навеки...
В мое бездонное слово
Канут моря и реки.

Домовину¹ оплачет баба,
Назовет кормильцем и ладой...
В листопад рябины и граба
Уныла дверь за оградой.

За дверью пустые сени,
Где бродит призрак костлявый,
Хозяин Сергей Есенин
Грустит под шарманку славы.

1922

---

¹ Домовина — гроб, могила.

ПЕСНЯ ГАМАЮНА

(Из цикла «Разруха»)

К нам горькие вести пришли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Что редки аисты на Украине,
Моздокские не звонки ковыли,

И в светлой Саравской пустыне
Скрипят подземные рули!
Нам тучи вести принесли,
Что Волга синяя мелеет,
Что жгут по Керженцу злодеи
Зеленохвойные кремли.
Что нивы суздальские, тлея,
Родят лишайник да комлі¹!
Нас окликают журавли
Прилетной тягою впоследствии,
И сгибли зябликов наследки
От колтуна и жадной тли,
Лишь сыроежкам многолеткам
Хрипят косматые шмели!
К нам вести черные пришли,
Что больше нет родной земли,

Как нет черемух в октябре,
Когда потемки на дворе,
Считаю сердце колуном,
Чтобы согреть продрогший дом,
Но, не послушны колуну,
Поленья воют на луну.
И больно сердцу замирать,
А в доме друг, седая мать...

---

¹ Кóмель — часть дерева у корня.

Ах, страшно песню распинать!
Нам вести душу обожгли,
Что больше нет родной земли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Замолк Грицько на Украине,
И Север — лебедь ледяной
Истек бездомною волной,
Оповещающая корабли,
Что больше нет родной земли!

1934

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

(Виктор Владимирович Хлебников)
(1885—1922)

Родился в семье ученого-натуралиста. Учился в Казанском и Петербургском университетах, но курса не закончил. В 1910 г. стал одним из ведущих участников группы кубо-футуристов (ему принадлежит славянское название группы — «будетляне»).

В творчестве Хлебникова последовательно развивалась мысль о единстве и равноправии всего сущего на земле. Одна из устойчивых идей его творчества — утопическая идея преобразования мира на основе гармонических взаимоотношений между людьми, зверями и природой, якобы существовавших в первобытную эпоху. В его творениях широко представлены образы языческого мира славян и Древней Руси.

Хлебников — поэт-экспериментатор, много сделавший в области реформы поэтического языка, стихотворчества, поэтической формы. Он часто использует интонационный стих, создает новые типы рифмы. Особенно внимательно Хлебников относится к слову, стремясь постигнуть его внутренний глубинный смысл, изобретая неожиданные и звучные неологизмы, сохраняя при этом известное пристрастие к архаической лексике и синтаксису.

Николай Асеев писал в 1920 г.: «Хлебников — уже сейчас полупоэтический миф, к которому без малейшей натяжки приложим эпитет гения... Друзьями он назван «слововождем».

ПТИЧКА В КЛЕТКЕ

О чем поешь ты, птичка в клетке?
О том ли, как попалась в сетку?
Как гнездышко ты себе вила?
Как тебя с подружкой клетка разлучила?
Или о счастья твоем
В милом гнездышке своем?
Или как мушек ты ловила
И их деткам носила?
О свободе ли, лесах,
О высоких ли холмах,
О лугах ли зеленых,
О полях ли просторных?
Скучно бедняжке на жердочке сидеть
И из оконца на солнце глядеть.
В солнечные дни ты купаешься,
Песней чудной заливаешься,
Старое вспоминаешь,
Свое горе забываешь,
Семечки клюешь,
Жадно водичку пьешь.

1897

* * *

И я свирел в свою свирель,
И мир хотел в свою хотель.
Мне послушные свивались звезды в плавный
кружеток.
Я свирел в свою свирель, выполняя мира рок.

1908

Россия забыла напитки,
В них вечности было вино,
И в первом разобранном свитке
Восчла роковое письмо.
Ты свитку внимала немливо,
Как взрослым внимает дитя,
И подлая тайная сила
Тебя наблюдала хотя.

1908

Огнивом-сечивом высек я мир,
И зыбку-улыбку к устам поднес,
И куревом-маревом дол озарил,
И сладкую дымность о бывшем вознес.

1908

Вечер. Тени.
Сени. Лени.
Мы сидели, вечер пья.
В каждом глазе — бег оленя,
В каждом взоре — лет копья.
И когда на закате кипела вселенская ярь,
Из лавчонки вылетел мальчонка,
Провожаемый возгласом: «Жарь!»
И скорее справа, чем правый,
Я был более слово, чем слева.

1908

* * *

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И испускающие длинные вздохи.
Звери, когда они любят,
Наливающие в глаза муть
И делающие удила из пены.
Солнца, когда они любят,
Закрывающие ночи тканью из земель
И шествующие с пляской к своему другу.
Боги, когда они любят,
Замыкающие в меру трепет вселенной,
Как Пушкин — жар любви горничной
Волконского.

1911

* * *

Как два согнутые кинжала,
Вонзились в небо тополя,
И, как усопшая, лежала
Кругом широкая земля.
Брошен в сумрак и тоску,
Белый дворец стоит одинок.
И вот к золотому спуска песку,
Шумя, пристаёт одинокий челнок.
И дева пройдет при встрече,
Объемлима власами своими,
И руки положит на плечи,
И, смеясь, произносит имя.
И она его для нежного досуга
Уводит, в багряный одетого руб¹,
А утром скатывает в море подруга
Его счастливый заколотый труп.

1911

---

¹ Руб (рубище) — рваная, ветхая одежда.

ИРОНИЯ ВСТРЕЧ

Ты высокомерно улыбулась
На робкий приступ слов осады,
И ты пошла, не оглянувшись,
Полна задумчивой досады.
Да! Дерзко королеву просить склонить
Блеск гордых губ.
Теперь я встретился. Угодно изменить
Судьбе тебя: ты изучала старый труп.

1912

* * *

Я победил: теперь вести
Народы серые я буду.
В ресницах, вера, заблести,
Вера, помощница чуду.
Куда? Отвечу без торговли:
Из той осоки, чем я выше,
Народ, как дом, лишенный кровли,
Воздвигнет стены в меру крыши.

1912

* * *

Ночь, полная созвездий.
Какой судьбы, каких известий
Ты широко сияешь, книга?
Свободы или ига?
Какой прочесть мне должно жребий
На полночь широком небе?

1912

* * *

Небо душно пахнет сизью и вѣменем.
О, полюбите, пощадите вы меня!
Я и так истекаю собою и вами,
Я и так уж распят степью и ивами.

1912

* * *

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!

1914

* * *

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

1915

* * *

Песенка — лесенка в сердце другое.
За волосами пастушьей соломы
Глаза пастушески-святые.
Не ты ль на дороге Батыя
Искала людей незнакомых?

1921

* * *

Звонят голубые бубенчики,
Как нежного отклика звук,
И первые вылетят птенчики
Из тихого слова «люблю».

1921

* * *

Вши тупо молились мне,
Каждое утро ползли по одежде,
Каждое утро я казнил их —
Слушай трэски, —
Но они появлялись вновь спокойным прибором.
Мой белый божественный мозг
Я отдал, Россия, тебе:
Будь мною, будь Хлебниковым.
Свай вбивал в ум народа и оси,
Сделал я свайную хату
«Мы — будетляне».
Все это делал, как нищий,
Как вор, всюду проклятый людьми.

1921

* * *

Русь, ты вся поцелуй на морозе!
Синеют ночные дорóзи.
Синею молнией слиты уста,
Синеют вместе тот и та.
Ночами молния взлетает
Порой из ласки пары уст.

И шубы вдруг проворно
Обегает, синяя, молния без чувств.
А ночь блестит умно и чёрно.

1921

* * *

Участок — великая вещь!
Это — место свиданья
Меня и государства.
Государство напоминает,
Что оно все еще существует!

1922

* * *

Еще раз, еще раз,
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели.
Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.

1922

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ

(1886—1921)

Родился в семье морского врача. Учился в Московском университете и в Сорбонне. Много путешествовал, пять раз бывал в Африке. Добровольцем участвовал в первой мировой войне, дважды награжден. В 1921 г. Н. Гумилев был расстрелян как участник контрреволюционного заговора, в котором участия не принимал...

Печататься начал в 1902 г. Вместе с С. Городецким в 1911 г. организовал «Цех поэтов», объединивший представителей акмеизма, и возглавил эту литературную школу.

В поэзии Н. Гумилева большое место занимает апология волевого начала, «сильной личности». Поэт исповедует верность «нашей планете, сильной, веселой и злой», призывает оздоровить современную цивилизацию, ориентируясь на человека «без предрассудков».

Для поэтики Гумилева характерна установка на предметный, чувственно осязаемый мир («возврат к земле»), отказ от чрезмерной символики. Он трактовал поэзию как ремесло, особое значение придавал стихотворной технике. Стихи отличаются пристрастием к ярким краскам, стремлением к композиционной четкости, определенной рационалистичностью. Он нередко поэтизирует историю, тяготеет к экзотике, прославлению людей, наделенных сильным характером и железной волей.

Гумилев писал: «Поэзия и религия — две стороны одной и той же монеты. И та и другая требуют от человека духовной работы. Но не во имя практической цели, как этика или эстетика, а во имя высшей, неизвестной им самим».

ЛЮДЯМ БУДУЩЕГО

Издавна люди уважали
Одно старинное звено,
На их написано скрижали:
«Любовь и Жизнь — одно».
Но вы не люди, вы живете,
Стрелой мечты вонзаясь в твердь,
Вы слейте в радостном полете
Любовь и Смерть.

Издавна люди говорили,
Что все они рабы земли
И что они, созданья пы́ли,
Родились и умрут в пы́ли.
Но ваша светлая беспечность
Зажглась безумным пеньем лир,
Невестой вашей будет Вечность,
А храмом — мир.

Все люди верили глубóко,
Что надо жить, любить шутя
И что жена — дитя порока,
Стократ нечистое дитя.
Но вам бегущие години
Несли иной нездешний звук,
И вы возьмете на Вершины
Своих подруг.

1905

УМНЫЙ ДЬЯВОЛ

Мой старый друг, мой верный Дьявол,
Пропел мне песенку одну:
«Всю ночь моряк в пучине плавал,
А на заре пошел ко дну.

Кругом вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь,
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:
«О, верь мне, я не обману...»
Но помни, — молвил мудрый Дьявол, —
Он на заре пошел ко дну».

1906

МНЕ СНИЛОСЬ

Мне снилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом.
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

Когда мы сказали: «Довольно»?
Давно ли, и что это значит?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачет.

Бессильные чувства так странны,
Застывшие мысли так ясны,
И губы твои не желанны,
Хоть вечно прекрасны.

Свершилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом.
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

1907

СВИДАНИЕ

Сегодня ты придёшь ко мне,
Сегодня я пойму,
Зачем так странно при луне
Остаться одному.

Ты остановишься, бледна,
И тихо сбросишь плащ.
Не так ли полная луна
Встает из темных чаш?

И, околдованный луной,
Окованный тобой,
Я буду счастлив тишиной,
И мраком, и судьбой.

Так зверь безрадостных лесов,
Почуявший весну,
Внимает шороху часов
И смотрит на луну.

И тихо крадется в овраг
Будить ночные сны,
И согласует легкий шаг
С движением луны.

Как он, и я хочу молчать,
Тоскуя и любя,

С тревогой древнею встречать
Мою луну, тебя.

Проходит миг, ты не со мной,
И снова день и мрак,
Но, обожженная луной,
Душа хранит твой знак.

Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но, как луна, всегда светла
Полночная любовь.

1909

ПОПУГАЙ

Я — попугай с Антильских островов,
Но я живу в квадратной келье мага.
Вокруг — реторты, глобусы, бумага,
И кашель старика, и бой часов.

Пусть в час заклятий, в вихре голосов
И в блеске глаз, мерцающих как шпага,
Ерошат крылья ужас и отвага
И я сражаюсь с призраками сов...

Пусть! Но едва под этот свод унылый
Войдет гадать о картах иль о милой
Распутник в раззолоченном плаще, —

Мне грезится корабль в тиши залива,
Я вспоминаю солнце... и вотще¹
Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

1909

---

¹ Вот щé (устар.) — напрасно.

ЧИТАТЕЛЬ КНИГ

Читатель книг, и я хотел найти
Мой тихий рай в покорности сознания,
Я их любил, те странные пути,
Где нет надежд и нет воспоминанья.
Неутомимо плыть ручьями строк,
В проливы глаз вступать нетерпеливо,
И наблюдать, как пенится поток,
И слушать гул идущего прилива!
Но вечером... О, как она страшна,
Ночная тень за шкафом, за киотом,
И маятник, недвижимый, как луна,
Что светит над мерцающим болотом!

1909

КЕНГУРУ

Утро девушки

Сон меня сегодня не разнежил,
Я проснулась рано поутру
И пошла, вдыхая воздух свежий,
Посмотреть ручного кенгуру.

Он срывал пучки смолистых игол,
Глупый, для чего-то их жевал,
И смешно, смешно ко мне запрыгал,
И еще смешнее закричал.

У него так неуклюжи ласки,
Но и я люблю ласкать его,
Чтоб его коричневые глазки
Мигом осветило торжество.

А потом, охвачена истомой,
Я мечтать уселась на скамью;
Что нейдет он, дальний, незнакомый,
Тот один, которого люблю!

Мысли так отчетливо ложатся,
Словно тени листьев поутру.
Я хочу к кому-нибудь ласкаться,
Как ко мне ласкался кенгуру.

1910

* * *

У меня не живут цветы,
Красотой их на миг я обманут,
Простоят день, другой и завянут,
У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А наутро — комочек из пуха...
Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы,
Сторожат вековые истомы,
Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
Помню, был и горбатым и нищим...
...Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

1910

ЭТО БЫЛО НЕ РАЗ

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве, глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отрекалась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг,
Враг мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будут стонами мук,
Поцелуи — окрашены кровью.

1910

НАСТУПЛЕНИЕ

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

1914

ПРИРОДА

Так вот и вся она природа,
Которой дух не признает:
Вот луг, где сладкий запах меда
Смешался с запахом болот;

Да ветра дикая заплачка,
Как отдаленный вой волков;
Да над сосной курчавой скачка
Каких-то пегих облаков.

Я вижу тени и обличья,
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многообразие
Творцом просыпанных семян.

Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездой,
Огнем пронизанной насквозь.

1918

На далекой звезде Венере
Солнце пламенной и золотистой,
На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья.

Всюду вольные, звонкие воды,
Реки, гейзеры, водопады
Распевают в полдень песнь свободы,
Ночью пламенеют, как лампы.

На Венере, ах, на Венере
Нету слов обидных или властных,
Говорят ангелы на Венере
Языком одних только гласных.

Если скажут «еа» и «аи» —
Это радостное обещанье,
«Уо», «ао» — о древнем рае
Золотое воспоминанье.

На Венере, ах, на Венере
Нету смерти терпкой и душной.
Если умирают на Венере —
Превращаются в пар воздушный.

И блуждают золотые думы
В синих, синих вечерних куцах
Иль, как радостные пилигримы,
Навещают еще живущих.

1921

Еще не раз вы вспомните меня
И весь мой мир волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.

Он мог стать вашим тоже и не стал,
Его вам было мало или много,
Должно быть, плохо я стихи писал
И вас неправедно просил у Бога.

Но каждый раз вы склóнитесь без сил
И скажете: «Я вспоминать не смею.
Ведь мир иной меня обворожил
Простой и грубой прелестью своею».

1917

ВЛАДИСЛАВ ФЕЛИЦИАНОВИЧ ХОДАСЕВИЧ

(1886—1939)

Родился в семье фотографа, сына польского эмигранта. Окончил классическую гимназию, учился в Московском университете. Печататься начал с 1905 г.

В 1922 г. В. Ходасевич выехал за границу. Умер в Париже.

Первые произведения В. Ходасевича отмечены влиянием символистов, в дальнейшем был более близок школе акмеистов. В творчестве поэта своеобразно проявляется «неоклассицизм», характерный и для его критических статей. Поэзия для него становится способом выражения резкого неприятия действительности, в том числе и советской. Он отстаивал право поэта быть выше современности. Вера Ходасевича в незыблемость культурных духовных ценностей неизменно сочетается с мыслями о безысходности бытия. Его лирика часто пронизана мотивами усталости и даже цинизма. Ходасевич лаконичен в художественных средствах, часто не боится суховатого тона своих стихов.

М. Волошин считал, что у Ходасевича-поэта «голос глубокий, завуалированный, негромкий и прекрасный, западающий в душу верностью тона».

РЯЖЕННЫЕ

Мы по улицам темным
Разбежимся в молчании.
Мы к заборам укромным
Припадем в ожидании.

...«Эй, прохожий, прохожий!
Видел черта рогатого,
С размалеванной рожей,
Матерого, мохнатого?»

Ветер крепок и гулок.
Снег скрипит, разметається...
Забегу в переулок —
Там другие шатаются.

В лунном отсвете синем
Страшно встретиться с ряженым!
Мы друг друга окинем
Взором чуждым, неслаженным.

Самого себя жутко.
Я — не я? Вдруг да станется?
Вдруг полночная шутка
Да навеки останется?

1906

ДОЖДЬ

Я рад всему: что город вымок,
Что крыши, пыльные вчера,
Сегодня, ясным шелком лóснясь,
Сверкают струи серебра.

Я рад, что страсть моя иссякла.
Смотрю с улыбкой из окна,
Как быстро ты проходишь мимо
По скользкой улице одна.

Я рад, что дождь пошел сильнее
И что, в чужой подъезд зайдя,
Ты опрокинешь зонтик мокрый
И отряхнешься от дождя.

Я рад, что ты меня забыла,
Что, выйдя из того крыльца,
Ты на окно мое не взглянешь,
Не вскинешь на меня лица.

Я рад, что ты проходишь мимо,
Что ты мне все-таки видна,
Что так прекрасно и невинно
Проходит страстная весна.

1908

МОЛИТВА

Все бывшие страсти, все тревоги
Навсегда забудь и затаи...
Вам молюсь я, маленькие боги,
Добрые хранители мои.

Скромные примите приношенья:
Ломтик сыра, крошки со стола...
Больше нет ни страха, ни волненья:
Счастье входит в сердце, как игла.

1913

* * *

Со слабых век сгоняя смутный сон,
Живу весь день, тревожим и волнуем,
И каждый вечер падаю, сражен
Усталости последним поцелуем.

Но и во сне душе покоя нет:
Ей снится явь, тревожная, земная,
И собственный сквозь сон я слышу бред,
Дневную жизнь с трудом припоминая.

1914

* * *

В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня.

И часто, спеша к трамваю
Иль над книгой лицо склоняя,
Вдруг слышу ропот огня —
И глаза закрываю.

1916—1917

ПРО СЕБЯ

Нет, есть во мне прекрасное, но стыдно
Его назвать перед самим собой,
Перед людьми ж — подавно: с их обидной
Душа не примирится похвалой.

И вот — живу, чудесный образ мой
Скрыв под личиной низкой и ехидной...
Взгляни, мой друг: по травке золотой
Ползет паук с отметкой крестовидной.

Пред ним ребенок спрячется за мать,
И ты сама спешишь его согнать
Рукой брезгливой с шейки розоватой.
И он бежит от гнева твоего,
Стыдясь себя, не ведая того,
Что значит знак его спины мохнатой.

1918

* * *

Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять.

Довольный малым, созерцаю
То, что дает нещадный рок:
Вяз, прислонившийся к сараю,
Покрытый лесом бугорок...

Ни грубой славы, ни гонений
От современников не жду,
Но сам стригу кусты сирени
Вокруг террасы и в саду.

1921

ГОСТЮ

Входя ко мне, носи мечту,
Иль дьявольскую красоту,

Иль Бога, если сам ты Божий.
А маленькую доброту,
Как шляпу, оставляй в прихожей.

Здесь на горошине земли,
Будь или ангел, или демон.
А человек — иль не затем он,
Чтобы забыть его могли?

1921

* * *

Смотрю в окно — и презираю.
Смотрю в себя — презрен я сам.
На землю громы призываю,
Не доверяя небесам.

Дневным сиянием объятый,
Один беззвездный вижу мрак...
Так вьется на гряде червяк,
Рассечен тяжкою лопатой.

1921

В ЗАСЕДАНИИ

Грубой жизнью оглушенный,
Нестерпимо уязвленный,
Опускаю веки я —
И дремлю, чтоб легче минул,
Чтобы как отлив отхлынул
Шум земного бытия.

Лучше спать, чем слушать речи
Злобной жизни человеческой,
Малых правд пустую прю.
Все я знаю, все я вижу —
Лучше сном к себе приближу
Неизвестную зарю.

А уж если сны приснятся,
То пускай в них повторяется
Детства давние года:
Снег на дворике московском
Иль — в Петровском-Разумовском
Пар над зеркалом пруда.

1921

* * *

Играю в карты, пью вино,
С людьми живу — и лба не хмурю.
Ведь знаю: сердце все равно
Летит в излюбленную бурю.

Лети, кораблик мой, лети,
Кренясь и не ища спасенья.
Его и нет на том пути,
Куда уносит вдохновенье.

Уж не вернуться нам назад,
Хотя в ненастье нашей ночи,
Быть может, с берега глядят
Одни нам ведомые очи.

А нет — беды не много в том!
Забыты мы — и то не плохо.

Ведь мы и гибнем и поем
Не для девического вздоха.

1921

* * *

Было на улице полутемно.
Стукнуло где-то под крышей окно.

Свет промелькнул, занавеска взвилась,
Быстрая тень со стены сорвалась —

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг — а иной.

1922

* * *

Странник прошел, опираясь на посох, —
Мне почему-то припомнилась ты.
Едет пролетка на красных колесах —
Мне почему-то припомнилась ты.
Вечером лампу зажгут в коридоре —
Мне непременно припомнишься ты.
Что ни случилось, на суше, на море
Или на небе, — мне вспомнишься ты.

1922

* * *

Старым снам затерян сонник.
Все равно — сбылись иль нет.

Ночью сядь на подоконник —
Посмотри на тусклый свет.

Ничего, что так туманны
Небеса и времена:
Угадай-ка постоянный
Вид из нашего окна.

Вспомни все, что так недавно
Веселило сердце нам;
Невский вдаль уходит плавно,
Небо клонится к домам;

Смотрит серый, вековечный
Купол храма в купол звезд,
И на нем — шестиконечный,
Нам сейчас незримый крест.

1922

* * *

Не верю в красоту земную
И здешней правды не хочу.
И ту, которую целую,
Простому счастью не учу.

По нежной плоти человеческой
Мой нож проводит алый жгут:
Пусть мной целованные плечи
Опять крылами прорастут!

1922

ХРАНИЛИЩЕ

По залам прохожу лениво.
Претит от истин и красот.
Еще невиданные дива,
Признаться, знаю наперед.

И как-то тяжело, больно даже
Душою жить — в который раз? —
В кому-то снившемся пейзаже,
В когда-то промелькнувший час.

Все бьется человеческий гений:
То вверх, то вниз. И то сказать:
От восхождений и падений
Уж позволительно устать.

Нет! полно! Тяжелеют веки
Пред вереницею Мадонн, —
И так отрадно, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

1924

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вот тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, —
Это я, тот, кто каждым ответом

Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть, —
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем — так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины — к причине,
А глядишь — заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, —
Только есть одиночество — в раме
Говорящего правду стекла.

1924

СКАЛА

Нет у меня для вас ни слова,
Ни звука в сердце нет,
Виденья бедные былого,
Друзья погибших лет!

Быть может, умер я, быть может —
Заброшен в новый век,
А тот, который с вами прожит,
Был только волн разбег,

И я, ударившись о камни,
Окровавлен, но жив, —
И видится издалека мне,
Как вас несет отлив.

1927

ВЕСЕЛЬЕ

Полузабытая отрада,
Ночной попойки благодать:
Хлебнешь — и ничего не надо,
Хлебнешь — и хочется опять.

И жизнь перед нетрезвым взглядом
Глубоко так обнажена,
Как эта гибкая спина
У женщины сидящей рядом.

Я вижу тонкого хребта
Перебегающие звенья,
К ним припадаю на мгновенье —
И пудра мне пылит уста.

Смеется легкое созданье,
А мне отрадно сочетать
Неутешительное знание
С блаженством ничего не знать.

1928

* * *

Сквозь уютное солнце апреля —
Неуютный такой холодок.

И — смерчем по дорожке песок,
И — смолкает скворец-пустомеля.

Там над северным краем земли
Черно-серая вздутая туча.
Котелки поплотней нахлобуча,
Попроворней два франта пошли.

И под шум градобойного гула —
В сердце гордом, веселом и злом:
«Это молнии *нашей* излом,
Это *наша* весна допорхнула!»

1937

* * *

Нет, не шотландской королевой
Ты умирала для меня:
Иного, памятного дня,
Иного, близкого напева
Ты в сердце оживила след.
Он промелькнул, его уж нет.
Но за минутное господство
Над озаренною душой,
За умиление, за сходство —
Будь счастлива! Господь с тобой.

1937

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

(Игорь Васильевич Лотарёв)

(1887—1941)

Родился в дворянской семье, учился в Череповецком реальном училище, но систематического образования не получил. Печататься начал с 1905 г., но известность приобрел лишь в 1910—1911 гг., когда стал лидером поэтической группы эго-футуристов. 27 февраля 1918 г. был удостоен титула «Короля поэтов». Жил в эмиграции, в Эстонии.

И. Северянин причислял себя к последователям «чистой лирики». Используя разнообразные размеры, он изобрел несколько стихотворных форм: гирлянда триолетов, квадрат квадратов, миньонет, дизель и др. У Северянина был своеобразный поэтический талант. В. Брюсов считал, что он — «лирик, тонко воспринимающий природу и весь мир», «ироник, тонко подмечающий вокруг себя все смешное и низкое». Но тот же Брюсов нередко отмечал «безвкусию» в стихах поэта, иногда отсутствие границы между иронией и пошлостью. Особенно в раннем творчестве Северянина встречаются «будуарно-ресторанные» стихи, отличающиеся манерностью и вычурностью. Вместе с тем, поэзия его — это и подлинность лирического переживания, красочность, выразительность и мелодичность поэтической речи. Постепенно (особенно за границей) поэт отказывается от

излишней вычурности и оригинальничания, его стих становится более напевным, разнообразным по размерам, богатым по мысли.

О. Мандельштам писал: «Стих его отличается сильной мускулатурой кузнечика. Безнадёжно перепутав все культуры, поэт умеет иногда дать очаровательные формы хаосу, царящему в его представлении. Нельзя писать «просто хорошие» стихи. Если «я» Северянина трудно уловимо, это не значит, что его нет».

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Эскиз

Прозрачный небосклон далекого Востока
Сменяет ночи тьма, мертвя собой жару.
Я шляпу легкую и плащ с собой беру,
Дышу прохладой живительной глубоко.

Вдоль улиц города, среди китайских фанз,
Коттэджей в зелени, залитых ярким светом,
Иду вперед, и родины приветом
Меня дарит знакомый мне романс.

А вокруг клокочет жизнь: гуляют пешеходы;
И рикши грязные, согнувшись до горба,
Бегут рысцой; шумят залива воды;
Да где-то вдалеке с тоской скрипит арба.

1906

НИЧЕГО НЕ ГОВОРЯ...

Это было так недавно,
Но для сердца так давно...

О фиалке грезил запад,
Отразив ее темно.

Ты пришла ко мне — как утро,
Как весенняя заря,
Безмятежно улыбаясь,
Ничего не говоря.

Речку сонную баюкал
Свет заботливой луны.
Где-то песня колыхалась,
Как далекий плеск волны.

И смотрел я, зачарован,
Ничего не говоря,
Как скрывала ты смущенье
Флером — синим, как моря.

О, молчанье нашей встречи, —
Все тобой озарено!
Так недавно это было,
А для сердца так давно!..

1908

ВСЕ ТО ЖЕ

Все те же краски, те же типы
В деревьях, птицах и цветах:
Как век назад — сегодня липы,
Как век вперед — любовь в мечтах.

Строй мирозданья одинаков,
Почти разгадан, скуп и плоск.
Но есть значение без знаков,
Есть знак, расплывчатый, как воск.

1909

СТРАННО...

Мы живем, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам,
А того, что нам хочется, нет...

1909

СТАНСЫ

Ни доброго взгляда, ни нежного слова —
Всего, что бесценно пустынным мечтам...
А сердце... а сердце все просит былого!
А солнце... а солнце — надгробным крестам!

И все — невозможно! и все — невозвратно!
Несбыточней бывшего нет ничего...
И ты, как святая когда-то, развратна...
Развратна! — не надо лица твоего!..

Спуститесь, как флеры, туманы забвенья,
Спасите, укройте обломки подков...
Бывают и годы короче мгновенья,
Но есть и мгновенья длиннее веков!

1909

ЭТО БЫЛО У МОРЯ

*Поэма-миньонет*¹

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...

---

¹ Миньонет — одна из десяти изобретенных Северяниным строфических форм.

Королева играла — в башнях замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать канат;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

1910

КЕНЗЕЛИ¹

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуненной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная от листвы разузорена —
Точно лапы паучные, точно мех ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная...
Упоенье любовное Вам судьбой предназначено...

В шумном платье муаровом, в шумном платье
муаровом —

Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же в любовники? и найдется ли пара Вам?

Ножки плэдом закутайте дорогим, ягуаровым,
И, садясь комфортабельно в ландолете бензиновом,
Жизнь доверьте Вы мальчику, в макинтоше резиновом,

---

¹ Кензэль — одна из десяти изобретенных Северяниным строфических форм.

И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым —
Шумным платьем муаровым, шумным платьем
муаровым!..

1911

РЯДОВЫЕ ЛЮДИ

Я презираю спокойно, грустно, светло и строго
Людей бездарных: отсталых, плоских, темно-упрямых.

Моя дорога — не их дорога.

Мои кумиры — не в людных храмах.

Я не желаю ни зла, ни горя всем этим людям, —
Я равнодушен; порой прощаю, порой жалею.

Моя дорога лежит безлюдьем.

Моя пустыня, — дворца светлее.

За что любить их, таких мне чуждых? за что убить их?!
Они так жалки, так примитивны и так бесцветны.

Идите мимо в своих событиях, —

Я безвопросен: вы безответны.

Не знаю скверных, не знаю подлых; все люди равны;
Не понимают они друг друга, — их доля злая.

Мои услады — для них отравы.

Я презираю благословляя...

1911

ПОЭЗА¹ МОЕЙ СВЕТОЗАРНОСТИ

Когда мне пишут девушки:
«Его светозарности»,

---

¹ Поэза — так часто называет свои стихи поэт. Это не жанр, а указание на особую форму исполнения с эстрады: среднее между пением и чтением.

Душа моя исполнена
Живой благодарности.

Ведь это же не ирония
И не пародия:
Я требую отличия
От высокородия!

Пусть это обращение
Для всякой бездарности...
Не отнимай у гения
Его светозарности!

1915

ОПЕЧАЛЕННАЯ ПОЭЗА

Не вечно мне гореть. Не вечно мне пылать.
И я могу стареть. И я могу устать.
Чем больше пламени в моем давно бывалом,
Тем меньше впереди огня во мне, усталом.

И все-таки, пока во мне играет кровь,
Хоть изредка могу надеяться я вновь
Зажечься, засиять и устремиться к маю...
Я все еще живу. Я все еще пылаю.

1916

И ЭТО ЯВЬ!..

И это — явь? Не сновиденье?
Не оболъстительный обман?
Какое к жизни возрожденье!
Я плачу! Я свободой пьян!

Как? Неужели? Все, что в мыслях, —
Отныне и на языке?
Никто в Сибирь не смеет выслать?..
Не смеет утопить в реке?..

Поверить трудно: вдруг — все ложно?!
Трепещет странной мукой стих...
И невозможное — возможно
В стране возможностей больших!

1917

ПРОМЕЛЬК

И в зле добро, и в добром злоба,
Но нет ни добрых и не злых,
И правы все, и правы оба, —
И правоту поет мой стих.

И нет ни шведа, ни японца.
Есть всюду только человек,
Который под недужьем солнца
Живет свой жалкий полувек.

1917

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Я Гумилёву отдавал визит,
Когда он жил с Ахматовою в Царском,
В большом прохладном тихом доме барском,
Хранившем свой патриархальный быт.

Не знал поэт, что смерть уже грозит
Не где-нибудь в лесу Мадагаскарском,
Не в удушающем песке Сахарском,
А в Петербурге, где он был убит.

И долго он, душою конкистадор,
Мне говорил, о чем сказать отрада.
Ахматова стояла у стола,

Томима постоянной печалью,
Окутана невидимой вуалью
Ветшающего Царского Села...

1924

ЧЕГО-ТО НЕТ

Мне хочется уйти куда-то,
В глаза кому-то посмотреть,
Уйти из дома без возврата
И там — там где-то — умереть.

Кому-то что-то о поэте
Споют весною соловьи.
Чего-то нет на этом свете,
Что мне сказало бы: «Живи!..»

1928

ТИШЬ ДВОЯКАЯ

Высокая стоит луна.
Высокие стоят морозы.
Далекое скрипят обозы.
И кажется, что нам слышна
Архангельская тишина.

Она слышна, — она видна:
В ней всхлипы клюквенной трясины,
В ней хрусты снежной парусины,
В ней тихих крыльев белизна —
Архангельская тишина...

1929

БЫВАЮТ ДНИ...

Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну — мать свою.
Бывают дни: ее нет ближе,
Всем существом ее пою.

Все, все в ней противоречиво,
Двулико, двуедино в ней,
И дева, — верящая в диво
Надземное, — всего земней.

Как снег — миндаль. Миндальны зимы.
Гармошка — и колокола.
Дни дымчаты. Прозрачны дымы.
И вороны — и сокола.

Слом Иверской часовни. Китеж.
И ругань-мать, и ласка-мать...
А вы-то тщитесь, вы хотите
Ширококрайнюю объять!

Я — русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я — вылитая Русь!

1930

ПЕСЕНКА О НАСТОЯЩЕМ

Веселую жизнь проводящим,
Живущим одним Настоящим,

Я песенку эту пою...

Не думайте вовсе о завтра, —

Живите, как песенки автор,

Сжигающий душу свою...

На свалку политику выбрось

И, ружья любого калибра

Сломав, всем объятая раскрой.

Так думай, так действуй, так чувствуй,

Чтоб сердце изведало усталь

От силы желаний порой!

Подумай, ведь только полвека

Отпущено на человека,

Вся жизнь твоя — лет пятьдесят...

Заботами краткой не порти,

Живи, как проказливый чертик:

Хвосты у чертей не висят!..

Так что же ты нос свой повесил?

Будь смел, будь находчив, будь весел,

Бездумен, как ангел в раю...

Веселую жизнь проводящим,

Живущим одним Настоящим,

Я песенку эту пою!

1930

ГАРМОНИЯ КОНТРАСТОВ

Летишь в экспрессе — жди крушенья!

Ткань доткана — что ж, в клочья рви!

Нет творчества без разрушения —
Без ненависти нет любви.
Познал восторг — познай страданье.
Раз я меняюсь — я живу.
Застыть пристойно изваянью,
А не живому существу!

1935

О ЖЕНЩИНЕ

У женщины должен быть лунный характер,
И чтобы в ней вечно сквозила весна.
Манящая с нею кататься на яхте —
Качели солено-зеленого сна...

И ревность должна ее быть невесомой,
И верность должна ее быть, как гранит.
О, к ласково чуткой, влекуще-влекомой
Мужчина всегда интерес сохранит!

За женственность будет любить голубую,
За желтые, синие стеклышки глаз.
Ах, можно ли женщину бросить такую,
Которая всячески радуется вас?!..

1935

БЕЗ НАС

От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново
Не нами, другими, без нас...

Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена все ж.
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поешь!

И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст,
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.

1936

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА

(Анна Андреевна Горенко)

(1889—1966)

Родилась в семье офицера флота, с раннего детства жила в Царском Селе. Окончила Киевскую гимназию, училась на Высших литературных курсах в Петербурге. Первое стихотворение написала в 11 лет, в печати со стихами выступила в 1907 г.

Ахматова принадлежала к группе акмеистов. Ее драматически напряженная поэзия неизменно стремится к углублению и психологической достоверности. Очевидна связь поэзии Ахматовой с традициями русской классической лирики, прежде всего пушкинской. За почти шесть десятилетий творческой эволюции ее поэзия пережила многое, сохраняя при этом эстетические принципы, сформированные в самом начале творческого пути. Ранняя лирика поэтессы нередко проникнута мотивами ущербности и одиночества, неуверенности в завтрашнем дне. В ее стихах находит отражение богатый внутренний мир, полный утонченных эстетических и любовных переживаний. Интимно-разговорная интонация, эмоциональный лаконизм, ясность и «вещность» образов определили своеобразие лирики. Поэзия Ахматовой богата народно-песенными мотивами. Стих ее отличается неповторимое звучание, особая музыкальность, передающая чувство гармонии.

Владимир Маяковский писал: «Стихи Ахматовой монолитны и выдержат давление любого голоса, не дав трещины».

ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

Всю ночь не давали заснуть,
Говорили тревожно и звонко,
Кто-то ехал в далекий путь,
Увозил больного ребенка.

А мать в полутемных сенях
Ломала иссохшие пальцы
И долго искала впотьмах
Чистый чепчик и одеяльце.

1909

* * *

Молюсь оконному лучу —
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце — пополам.
На рукомоёмике моем
Позеленела медь.
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине.
Но в этой храмине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

1910

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкой...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

1911

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шопот осенний
Попросил: «Со мною умри!»

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

1911

* * *

Ты письмо мое, милый, не комкай,
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.

Не гляди так, не хмурься гневно,
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королевна
И уже не монашенка я —

В этом сером будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи,
Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.

1912

* * *

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха,
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.

И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные
Ненасытные взгляды твои!

1913

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —

Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

1915

* * *

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем, что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

1915

* * *

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада.

Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь —
С моими детскими стихами.

Прости, что я жила скорбь
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.

* * *

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лени или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий. Боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

1917

* * *

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

1917

* * *

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам,
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник.
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Так просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и безбольно догореть.
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.

Всего верней свинец душе крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки выжмет жизнь.

1925

ПРИЧИТАНИЕ

Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В земле не зарюю.
За версту я обойду
Ленинградскую беду.
Я не взглядом, не намеком,
Я не словом, не попреком,
Я земным поклоном
В поле зеленом
Помяну...

1944

ПАМЯТИ ДРУГА

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовую у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Доehnёт на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

1945

АНАФЕМА

Это и не старо, и не ново,
Ничего нет сказочного тут,
Как Отрепьева и Пугачева,
Так меня тринадцать лет клянут.

Неуклонно, тупо и жестоко
И неодолимо, как гранит,
От Либавы до Владивостока
Грозная анафема гремит.

1959

ИЗ ЦИКЛА «ВЕНОК МЕРТВЫМ»

Памяти М. Булгакова

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино, ты как никто шутил

И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и все вокруг молчит

О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
О, кто подумать мог, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней не бывших,
Мне, тлеющей на медленном огне,

Всех пережившей, все забывшей,
Придется поминать того, кто полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

1940

* * *

Как птица мне ответит эхо
Б. П.¹

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рощ.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.

И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.

1960

---

¹ Стихотворение посвящено Борису Пастернаку, который умер 30 мая 1960 года, стихотворение написано 1 июня.

ЭХО

В прошлое давно пути закрыты,
И на что мне прошлое теперь?
Что там? — окровавленные плиты,
Или замурованная дверь,

Или эхо, что еще не может
Замолчать, хотя я так прошу...
С этим эхом приключилось то же,
Что и с тем, что в сердце я ношу.

1960

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,

Да, для нас это хруст на зубах.

И мы мелем, и месим, и крошим

Тот ни в чем не замешанный прах.

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

1961

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ПАСТЕРНАК

(1890—1960)

Родился в профессиональной артистической семье (отец — академик живописи, мать — пианистка). Учился на историко-философском факультете Московского университета и в университете г. Марбурга (Германия). Глубоко изучал философию. В 1959 г. Б. Л. Пастернаку присуждена Нобелевская премия в области литературы.

Со стихами в печати Б. Пастернак выступил в 1913 г. и в том же году опубликовал первую книгу. В предреволюционные годы — он участник футуристической группы «Центрифуга», но очень кратковременно. Поэзия Пастернака более обнаруживает связь с традициями русской философской лирики XIX в., нежели с футуристическими лозунгами о разрыве с прошлым, со «старьем» и т. п.

Стихи Пастернака отличает внутренняя напряженность, глубина философской мысли, метафоричность и богатейшая ассоциативность поэтической мысли. Живописность и выразительность стиха, индивидуальная неповторимость образной системы делают его поэзию оригинальной, узнаваемой и легко отличимой от творчества других поэтов.

Однажды Борис Пастернак заметил: «...я «стихов вообще» не люблю, в поэзии, как ее принято понимать, не разбираюсь...» И еще: «...я никогда не утверждал себя «поэтом» (это слово очень годится на обертки к туалетному мылу, и в русской практике я не люблю его), я много думал, писал прозу и занимаюсь ею, я многим занимался в жизни...»

СОН

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Но время шло, и старилось, и глохло,
И паволокой рамы серебра,
Заря из сада обдавала стекла
Кровавыми слезами сентября.

Но время шло и старилось. И рыхлый,
Как лед, трещал и таял кресел шелк.
Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,
И сон, как отзвук колокола, смолк.

Я пробудился. Был, как осень, тёмно
Рассвет, и ветер, удаляясь, нес,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Гряду бегущих по небу берез.

1913, 1928

* * *

Все наденут сегодня пальто
И заденут за поросли капель,
Но из них не заметит никто,
Что опять я ненастьями запил.

Засребрятся малины листы,
Запрокинувшись кверху изнанкой.
Солнце грустно сегодня, как ты, —
Солнце нынче, как ты, северянка.

Все наденут сегодня пальто,
Но и мы проживем без убытка.
Нынче нам не заменит ничто
Затуманившегося напитка.

1913, 1928

СТРИЖИ

Нет сил никаких у вечерних стрижей
Сдержат голубую прохладу.
Она прорвалась из горластых грудей
И льется, и нет с нею сладу.

И нет у вечерних стрижей ничего,
Что б там, наверху, задержало
Витийственный возглас их: о торжество,
Смотрите, земля убежала!

Как белым ключом закипая в котле,
Уходит бранчливая влага, —
Смотрите, смотрите — нет места земле
От края небес до оврага.

1915

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Я клавишей стаю кормил с руки
Под хлопанье крыльев, плеск и клетот.
Я вытянул руки, я встал на носки,
Рукав завернулся, ночь терлась о локоть.

И было темно. И это был пруд
И волны. — И птиц из породы люблю вас,

Казалось, скорей умертвят, чем умрут
Крикливые, черные, крепкие клювы.

И это был пруд. И было темно.
Пылали кубышки с полуночным дегтем.
И было волною обглодано дно
У лодки. И грызлись птицы у локтя.

И ночь полоскалась в гортанях запруд.
Казалось, покамест птенец не накормлен,
И самки скорей умертвят, чем умрут,
Рулады в крикливом, искривленном горле.

1915

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ

Это — круто налившийся свист,
Это — щелканье сдавленных льдинок,
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок.

Это — сладкий заглохший горох,
Это — слезы вселенной в лопатках¹,
Это — с пультов и флейт — Figaro
Низвергается градом на грядку.

Все, что ночи так важно сыскать
На глубоких купаленных доньях,
И звезду донести до садка
На трепещущих мокрых ладонях.

---

¹ Лопатки — развернутый стручок гороха.

Плоше досок в воде — духота.
Небосвод заливался ольхою.
Этим звездам к лицу б хохотать,
Ан вселенная — место глухое.

1917

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА

Разметав отвороты рубашки,
Волосато, как торс у Бетховена,
Накрывает ладонью, как шашки,
Сон и совесть, и ночь, и любовь оно.

И какую-то черную доведь¹,
И — с тоскою какою-то бешеной,
К преставлению света готовит,
Конноборцем над пешками пешими.

А в саду, где из погреба, со льду,
Звезды благоуханно разохались,
Соловьем над лозою Изольды
Захлебнулась Тристанова захолодь.

И сады, и пруды, и ограды,
И кипящее белыми воплями
Мирозданье — лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной.

1917

ДА БУДЕТ

Рассвет расколыхнет свечу,
Зажжет и пустит в цель стрижа.
Напоминанием влечу:
Да будет так же жизнь свежа!

---

¹ Дóведь — шашка, проведенная в край поля, в дамы.

Заря как выстрел в темноту.
Бабах! — и тухнет на лету
Пожар ружейного пыжа.
Да будет так же жизнь свежа.

Еще снаружи — ветерок,
Что ночью жался к нам, дрожа.
Зарей шел дождь, и он продрог.
Да будет так же жизнь свежа.

Он поразительно смешон!
Зачем сорвался в сторожа?
Он видел — вход не разрешен.
Да будет так же жизнь свежа.

Повелевай, пока на взмах
Платка — пока ты госпожа,
Пока — покамест мы впотьмах,
Покамест не угас пожар.

1919

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Хмуро тянется день непогожий.
Безутешено струятся ручьи
По крыльцу перед дверью прихожей
И в открытые окна мои.

За оградой вдоль по дороге
Затопляет общественный сад.
Развалившись, как звери в берлоге,
Облака в беспорядке лежат.

Мне в ненастье мерещится книга
О земле и ее красоте.
Я рисую лесную шишигу¹
Для тебя на заглавном листе.

Ах, Марина, давно уже время,
Да и труд не такой уж ахти,
Твой заброшенный прах в реквиеме
Из Елабуги перенести.

Торжество твоего переноса
Я задумывал в прошлом году
Над снегами пустынного плеса,
Где зимуют баркасы во льду.

Мне так же трудно до сих пор
Вообразить тебя умершей,
Как скопидомкой-миллионершей
Средь голодающих сестер.

Что сделать мне тебе в угоду?
Дай как-нибудь об этом весть.
В молчаньи твоего ухода
Упрек невысказанный есть.

Всегда загадочны утраты.
В бесплодных розысках в ответ
Я мучаюсь без результата:
У смерти очертаний нет.

---

¹ Шишига (устар.) — нечистый, сатана, бес.

Тут всё — полуслова и тени,
Обмолвка и самообман,
И только верой в воскресенье
Какой-то указатель дан.

Зима — как пышные поминки:
Наружу выйти из жилья,
Прибавить к сумеркам коринки,
Облить вином — вот и кутья.

Пред домом яблони в сугробе.
И город в снежной пелене —
Твое огромное надгробье,
Как целый год казалось мне.

Лицом повернутая к Богу,
Ты тянешься к нему с земли,
Как в дни, когда тебе итога
Еще на ней не подвели.

1943

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Снаружи вьюга мечется
И все заносит в лоск.
Засыпана буфетчица
И заметен киоск.

На нашей долгой бытности
Казалось нам не раз,
Что снег идет из скрытности
И для отвода глаз.

Утайщик нераскаянный, —
Под белой бахромой,
Как часто вас с окраины
Он разводил домой!

Все в белых хлопьях скроется,
Залепит снегом взор,
Наощупь, как пропойца,
Проходит тень во двор.

Движения поспешные:
Наверное, опять
Кому-то что-то грешное
Приходится скрывать.

1956

ХЛЕБ

Ты выводы копишь полвека,
Но их не заносишь в тетрадь,
И если ты сам не калека,
То должен был что-то понять.

Ты понял блаженство занятий,
Удачи закон и секрет.
Ты понял, что праздность — проклятье
И счастья без подвига нет.

Что ждет алтарей, откровений,
Героев и богатырей
Дремучее царство растений,
Могучее царство зверей.

Что первым таким откровеньем
Остался в сцепленьи судеб
Прапращуром в дар поколеньям
Взращенный столетьями хлеб.

Что поле во ржи и пшенице
Не только зовет к молотье,
Но некогда эту страницу
Твой предок вписал о тебе.

Что это и есть его слово,
Его небывалый почин
Средь круговращения земного,
Рождений, скорбей и кончин.

1956

ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ

На протяженьи многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

И целая их череда
Составилась мало-помалу —
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет,
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

1959

ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ

(1891—1938)

Родился в купеческой семье. Окончил Тенишевское училище в Петербурге, учился в Петербургском университете. Со стихами в печати выступил в 1910 г. Испытал сильное влияние символистов, однако нашел себя как поэт-акмеист в «Цехе поэтов». Был незаконно репрессирован, погиб в пересыльной тюрьме на Второй Речке под Владивостоком.

Для стихов О. Мандельштама характерны внешнее приятие мира, насыщенность вещественными, предметными деталями, тяга к строго выверенным «архитектурным формам». Поэт часто черпает свое вдохновение в образах мировой культуры, обогащенных литературными и историческими ассоциациями. Мандельштаму присуща мысль о высокой значимости личности и мировоззрения художника, для которого поэзия «есть осознание своей правоты».

Стих Мандельштама внешне традиционный (по метру, рифме), отличается семантической сложностью, основанной на большой филологической культуре. Предметная основа слов часто заменяется ассоциативной, имеющей корни в исторической жизни слова.

Николай Гумилев считал, что Осип Мандельштам «...открыл дверь в свою поэзию для всех явлений жизни, живущих во времени, а не только в вечности или мгновении».

* * *

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки,
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!

1908

* * *

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая,
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.

1909

* * *

Дано мне тело — что мне делать с ним?
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.
Пускай мгновения стекает муть, —
Узора милого не зачеркнуть.

1909

* * *

Из омута злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша,
И страстно, и томно, и ласково
Запретною жизнью дыша.

И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют,
Приветственным шелестом встреченный
Коротких осенних минут.

Я счастлив жестокой обидою,
И в жизни, похожей на сон,
Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблен.

1910

РАКОВИНА

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.

Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поешь,
Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризою своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей,

И хрупкой раковины стены,
Как нежилого сердца лом,
Наполнишь шепотами пены,
Туманом, ветром и дождем...

1911

* * *

Скудный луч холодной мерою,
Сеет свет в сыром лесу.
Я печаль, как птицу серую,
В сердце медленно несую.

Что мне делать с птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
С колокольни отуманенной
Кто-то снял колокола.

И стоит осиротелая
И немая тишина,
Как пустая башня белая,
Где туман и тишина.

Утро, нежностью бездонное, —
Полуявь и полусон,
Забытье неутоленное —
Дум туманный перезвон...

1911

* * *

Сегодня дурной день,
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень
Мрачней гробовых плит.

Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.

Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть
И яростный гимн грянь —
Бунтующих тайн медь!

О, маятник душ строг,
Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь, к нам...

1911

О небо, небо, ты мне будешь сниться!
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!

1911

ПЕШЕХОД

Я чувствую непобедимый страх
В присутствии таинственных высот.
Я ласточкой доволен в небесах,
И колокольни я люблю полет!

И, кажется, старинный пешеход,
Над пропастью, на гнущихся мостках,
Я слушаю, как снежный ком растет
И вечность бьет на каменных часах.

Когда бы так! Но я не путник тот,
Мелькающий на выцветших листьях,
И подлинно во мне печаль поет.

Действительно, лавина есть в горах!
И вся душа моя — в колоколах,
Но музыка от бездны не спасет!

КИНЕМАТОГРАФ

Кинематограф. Три скамейки.
Сантиментальная горячка.
Аристократка и богачка
В сетях соперницы-злодейки.

Не удержать любви полета:
Она ни в чем не виновата!
Самоотверженно, как брата,
Любила лейтенанта флота.

А он скитается в пустыне,
Седого графа сын побочный.
Так начинается лубочный
Роман красавицы графини.

И в иступленьи, как гитана¹,
Она заламывает руки.
Разлука. Бешеные звуки
Затравленного фортепьяно.

В груди доверчивой и слабой
Еще достаточно отваги
Похитить важные бумаги
Для неприятельского штаба.

И по каштановой аллее
Чудовищный мотор несется,
Стрекочет лента, сердце бьется
Тревожнее и веселее.

В дорожном платье, с саквояжем,
В автомобиле и в вагоне,
Она боится лишь погони,
Сухим измучена миражем.

Какая горькая нелепость:
Цель не оправдывает средства!
Ему — отцовское наследство,
А ей — пожизненная крепость.

1913

---

¹ Гитана (исп.) — танцовщица.

* * *

От легкой жизни мы сошли с ума:
С утра вино, а с вечера похмелье.
Как удержать напрасное веселье,
Румянец твой, о пьяная чума?

В пожатии рук мучительный обряд,
На улицах ночные поцелуи,
Когда речные тяжелеют струи
И фонари, как факелы, горят.

Мы смерти ждем как сказочного волка,
Но я боюсь, что раньше всех умрет
Тот, у кого тревожно-красный рот
И на глаза спадающая челка.

1913

* * *

...Дев полуночных отвага
И безумных звезд разбег,
Да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлег.

Кто, скажите, мне сознание
Виноградом замутит,
Если явь — Петра создание,
Медный всадник и гранит?

Слышу с крепости сигналы,
Замечаю, как тепло,
Выстрел пушечный в подвалы,
Вероятно, донесло.

И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы
Звезды, трезвая беседа,
Ветер западный с Невы.

1913

* * *

Уничтожает пламень
Сухую жизнь мою,
И нынче я не камень,
А дерево пою.

Оно легко и грубо,
Из одного куска
И сердцевина дуба,
И весла рыбака.

Вбивайте крепче сваи,
Стучите, молотки,
О деревянном рае,
Где вещи так легки.

1915

* * *

В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа.
Нам пели Шуберта — родная колыбель!
Шумела мельница, и в песнях урагана
Смеялся музыки голубоглазый хмель!

Старинной песни мир — коричневый, зеленый,
Но только вечно молодой,

Где соловьиных лип рокошующие кроны
С безумной яростью качает царь лесной.

И сила страшная ночного возвращения —
Та песня дикая, как черное вино:
Это двойник — пустое привиденье —
Бессмысленно глядит в холодное окно!

1918

* * *

Умывался ночью на дворе, —
Твердь сияла грубыми звездáми.
Звездный луч — как соль на топоре,
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова.
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Таает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студеная чернее,
Чище смерть, соленее беда,
И земля правдивей и страшнее.

1921

* * *

Я по лесенке приставной
Лез на включенный сеновал, —
Я дышал звезд млечных трухой,
Колтуном пространства дышал.

И подумал: зачем будить
Удлиненных звучаний рой,
В этой вечной склоке ловить
Эолийский¹ чудесный строй?

Звезд в ковше Медведицы семь.
Добрых чувств на земле пять.
Набухает, звенит темь
И растет, и звенит опять.

Распряженный, огромный воз
Поперёк вселенной торчит.
Сеновала древний хаос
Защекочет, запорошит...

Не своей чешуей шуршим,
Против шерсти мира поем,
Лиру строим, словно спешим
Обрасти косматым руном.

Из гнезда упавших щеглов
Косари приносят назад, —
Из горящих вырвусь рядов
И вернусь в родной звукоряд.

Чтобы розовой крови связь
И травы сухорукий звон
Распростились: одна — скрепясь,
А другая — в заумный сон.

1922

---

¹ Э о л и т — древнейшая эпоха каменного века.

ЛЕНИНГРАД

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухших желез. ✓

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

1930

* * *

Мы с тобой на кухне посидим, ✓
Сладко пахнет белый керосин;
Острый нож, да хлеба каравай...
Хочешь, примус туго накачай,

А не то веревок собери
Завязать корзину до зари,
Чтобы нам уехать на вокзал,
Где бы нас никто не отыскал.

1931

* * *

Помоги, Господь, эту ночь прожить —
Я за жизнь боюсь, за твою рабу, —
В Петербурге жить, словно спать в гробу...

1931

* * *

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник:
На Красной площади всего круглей земля,
И скат ее твердеет добровольный.

На Красной площади земля всего круглей,
И скат ее нечаянно-раздольный,
Откидываясь вниз — до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник.

1935

* * *

О, как же я хочу,
Нечуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем.

А ты в кругу лучись —
Другого счастья нет —
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

Он только тем и луч,
Он только тем и свет,

Что шепотом могуч
И лепетом согрет.

И я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шепотом лучу
Тебя, дитя, вручу.

1937

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА

(1892—1941)

Родилась в семье профессора-искусствоведа, основателя Музея Изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве И. В. Цветаева. Окончила гимназию, училась в Сорбонне, где прослушала курс лекций по истории литературы.

В 1922 г. уехала за границу, жила в Чехии, Франции. Летом 1939 г. вернулась в СССР. Покончила с собой, находясь в эвакуации.

М. Цветаева начала писать стихи в детстве. Уже в раннем творчестве особое место занимают Россия и любовь, волнуют вопросы поэтического творчества. Ее стихам свойственны трагическая сила, страстность и внутренняя энергия, особая интонация, необычные изобразительные ритмы. Для ее лирики характерно песенное начало, однако она может пользоваться и разговорной интонацией, часто прибегая к сложной и оригинальной инструментровке стихов. Поэзия Цветаевой нередко строится на контрастах, совмещая, казалось бы, несовместимые лексические и стилистические ряды: просторечие с высоким стилем, бытовые прозаизмы с библейской лексикой. Поэтесса любит ломать строки и фразы, опуская глаголы, обилием вопросов и восклицаний добивается особой экспрессивности.

В приветствии по случаю юбилея К. Бальмонта М. Цветаева написала: «Беспутный! Вот и дорвалась я до своего любимого слова! Беспутный — ты, Бальмонт, и беспутная — я, все поэты беспутные, — своими путями ходят».

МОЛИТВА

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
«Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал — слишком много!
Я жажду сразу — всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой — день вчерашний,
Чтоб стал безумьем — каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство — лучше сказки
И дай мне смерть — в семнадцать лет!

1909

* * *

Легкомыслие! — Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мне вбрызнул смех,
Ты мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научил не хранить кольца, —
С кем бы Жизнь меня не венчала!
Начинать наугад с конца
И кончать еще до начала.

Быть как стебель и быть как сталь
В жизни, где мы так мало можем...
— Шоколадом лечить печаль,
И смеяться в лицо проходим!

1915

ИЗ ЦИКЛА «БЕССОННИЦА»

В огромном городе моем — ночь.
Из дома сонного иду — прочь.
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет — путь,
И где-то музыка в окне — чуть.
Ах, нынче ветру до зари — дуть
Сквозь стенки тонкие груди — в грудь.

Есть черный тополь, и в окне — свет,
И звон на башне, и в руке — цвет,
И шаг вот этот — никому — вслед,
И тень вот эта, а меня — нет.

Огни — как нити золотых бус,
Ночного листика во рту — вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам — снюсь.

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может — пьют вино,
Может — так сидят.
Или просто — рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.
Крик разлук и встреч —
Ты, окно в ночи!
Может — сотни свеч,
Может — три свечи...
Нет и нет уму
Моему — покоя.
И в моем дому
Завелось такое.
Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

1916

* * *

В лоб целовать — заботу стереть.
В лоб целую.

В глаза целовать — бессонницу снять.
В глаза целую.
В губы целовать — водой напоить.
В губы целую.

В лоб целовать — память стереть.
В лоб целую.

1917

* * *

Как правая и левая рука —
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого — до левого крыла!

1918

* * *

Клонится, клонится лоб тяжелый,
Колосом клонится, ждет жнеца.
Друг! Равнодушие — дурная школа!
Ожесточает оно сердца.

Жнец — милосерден: сожнет и свяжет,
Поле опять прорастет травой...
А равнодушного — Бог накажет!
Страшно ступать по душе живой.

Друг! Неизжитая нежность — душит.
Хоть на алтын¹ полюби — приму!
Друг равнодушный! — Так страшно слушать
Черную полночь в пустом доме!

1918

* * *

Большими тихими дорогами,
Большими тихими шагами...

---

¹ Алтын (устар.) — монета достоинством в три копейки.

Душа, как камень, в воду брошенный,
Все расширяющимся кругами...

Та глубока — вода, и та темна — вода...
Душа на все века — схоронена в груди.
И так достать ее оттуда надо мне,
И так сказать я ей хочу: в мою иди!

1920

* * *

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — брэнная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти —
Тем гроб и надгробные плиты...
— В купели морской крещена — и в полете
Своем — непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня — видишь кудри беспутные эти? —
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю!
Да здравствует пена — веселая пена —
Высокая пена морская!

1920

БЕРЛИНУ

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вдрагивающих асфальтов вдоль
Копыта — как рукоплесканья.

Поздравствовалося — и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы!

1922

СЕДЫЕ ВОЛОСЫ

Это пеплы сокровищ:
Утрат, обид.
Это пеплы, пред коими
В прах — гранит.

Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.

Беззакатного времени
Грозный мел.
Значит, Бог в мои двери —
Раз дом сгорел!

Не удушенный в хламе,
Снам и дням господин,
Как отвесное пламя
Дух — из ранних седин!

И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость — победа
Бессмертных сил.

1922

ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТ

Ползет подземный змей,
Ползет, везет людей.
И каждый — со своей
Газетой (со своей
Экземой!). Жвачный тик,
Газетный костоед.
Жеватели мастик,
Читатели газет.

Кто — чтец? Старик? Атлет?
Солдат? — Ни чёрт, ни лиц,
Ни лет. Скелет — раз нет
Лица: газетный лист!
Которым — весь Париж
С лба до пупа одет.
Брось, девушка! — Родишь —
Читателя газет!

Кача — «живет с сестрой» —
ются — «убил отца»! —
Качаются — тщетой
Накачиваются.

Что для таких господ —
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!

Газет — читай: клевет,
Газет — читай: растрат.
Что ни столбец — навет,
Что ни абзац — отврат...

О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!

— Пошел! Пропал! Исчез!
Стар материнский страх,
Мать! Гуттенбергов *пресс*¹
Страшней, чем Шварцов *прах*!²

Уж лучше на погост, —
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!

Вот, други, — и куда
Сильней, чем в сих строках! —
Что думаю, когда
С рукописью в руках

---

¹ Гуттенбергов пресс — печатный станок (по имени изобретателя Гуттенберга).

² Шварцов прах — порох (по имени изобретателя монаха Бертольда Шварца).

Стою перед лицом
— Пустее места — нет! —
Так значит — *нелицом*
Редактора газет-
ной нечисти.

1935

* * *

Когда я гляжу на летящие листья,
Слетающие на булыжный торец,
Сметаемые — как художника кистью,
Картину *кончающего* наконец,
Я думаю (уж никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно желтый, решительно ржавый
Один такой лист на вершине — забыт.

1936

* * *

В синее небо ширя глаза —
Как восклицаешь: — Будет гроза!

Какходимца вскинувши бровь —
Как восклицаешь: — Будет любовь!

Сквозь равнодушья серые мхи —
Так восклицаю: — Будут стихи!

1936

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ НАБОКОВ

(1899—1977)

Родился в аристократической семье одного из лидеров партии кадетов В. Д. Набокова. Окончил Тенишевское училище. В 1916 г. выпустил первый сборник стихов. С 1919 г. находился в эмиграции, жил в Германии, Франции, Америке, Швейцарии, где и умер.

В. Набоков приобрел известность прежде всего как прозаик, но он не менее интересен и как поэт. Если его проза создавалась как на русском, так и на английском (преимущественно) языке, то стихи практически только на русском.

На поэзию Набокова сильное влияние оказали идеи символизма, однако ему чужды идеи о запредельном, сверхчувственном, мир его стихов предметен, вещественен. Этот мир наполнен тоской по Родине, мотивами страдания без нее. Его стих, основанный на большой культуре, насыщен литературными и историческими реминисценциями, отличается отточенностью, даже некоторым изыском языка. Набоков тяготеет в стихе к гармонически завершенным реалистическим формам.

«Все, что у меня есть, — это мой стиль», — утверждал Владимир Набоков.

В РАЮ

Здравствуй, смерть! — и путник крылатый,
объясняя, в рай уведет,

но внезапно зеленый, зубчатый,
нежный лес предо мною мелькнет.

И немой, в лучистой одежде,
я рванусь и в чаще найду
прежний дом мой земной, и как прежде
дверь заплачет, когда я войду.

Одуванчик тучки апрельской
в голубом окошке моем,
да диван из березы карельской,
да семья мотыльков под стеклом.

Буду снова земным поэтом:
на столе открыта тетрадь...
Если Богу расскажут об этом,
Он не станет меня укорять.

1920

И. А. БУНИНУ

Как воды гор, твой голос горд и чист.
Алмазный стих наполнен райским медом.
Ты любишь мир и юный месяц, лист,
желтеющий над смуглым сочным плодом.

Ты любишь змей, тяжелых злых узлов
лиловый лоск на дне сухой ложбины.
Ты любишь снежный шелест голубиный
вокруг лазурных, влажных куполов.

Твой стих роскошный и скупой, холодный
и жгучий стих один горит, один
над маревом губительных годин,
и весь в цветах твой жертвенник свободный.

Он каплет в ночь росую ледяной
и январями благовоний знойных,
и нагота твоих созвучий стройных
сияет мне как бы сквозь шелк цветной.

Безвестен я и молод в мире новом,
кощунственном, но светит все ясней
мой строгий путь: ни помыслом, ни словом
не согрешу пред музою твоей.

1920

ВОЛЧОНОК

Один, в рождественскую ночь, скулит
и ежится волчонок желтоглазый.
В седом лесу зеленый свет разлит,
на пухлых елочках алмазы.

Мерцают звезды на ковре небес,
мерцаая, ангелам щекочут пятки.
Взъерошенный волчонок ждет чудес,
а лес молчит, седой и гладкий.

Но ангелы в обителях своих
все ходят и советуются тихо,
и вот один прикинулся из них
большой пушистою волчихой.

И к нежным волочащимся сосцам
зверек припал, пыхтя и жмурясь жадно.
Волчонку, елкам, звездным небесам,
всем было в эту ночь отраднo.

1922

И тогда он вынырнет, раздвинув
яркими кругами водный лоск,
и спокойно улыбнется, вынув
из ноздрей побагровевший воск.

Я сошел в свою глухую муку,
я на дне. Но снизу, сквозь струи,
все же внемлю шелковому звуку
уносящейся твоей ладьи.

1923

НА РАССВЕТЕ

Я показывал твой смятый снимок
трем блудницам. Плыл кабак ночной.
Рассвело. Убогий город вымок
в бледном воздухе. Я шел домой.

Освещенное окно, где черный
человечек брился, помню; стон
первого трамвая; и просторный,
тронутый рассветом небосклон.

Боль моя лучи свои простерла,
в небеса невысохшие шла.
Голое переполнялось горло
судорогой битого стекла.

И окно погасло: кончил бриться.
День рабочий, бледный, впереди.
А в крови все голос твой струится:
«навсегда», сказала, «уходи».

И подумала; и где-то капал
кран; и повторила: «навсегда».
В обмороке, очень тихо, на пол
тихо соскользнула, как вода.

1924

ВЕРШИНА

Люблю я гору в шубе черной
лесов еловых, потому
что в темноте чужбины горной
я ближе к дому моему.

Как не узнать той хвои плотной
и как с ума мне не сойти
хотя б от ягоды болотной,
заголубевшей на пути.

Чем выше темные, сырые
тропинки вьются, тем ясней
приметы с детства дорогие
равнины северной моей.

Не так ли мы по склонам рая
взбираться будем в смертный час,
все то любимое встречая,
что в жизни возвышало нас?

1925

ПРОХОЖИЙ С ЕЛКОЙ

На белой площади поэт
запечатлел твой силуэт.

Домой, в неспражничный мороз,
ты елку черную понес.

Пальто российское до пят.
Калоши по снегу скрипят.

С зубчатой елкой на спине
ты шел по ровной белизне,

сам черный, сторбленный, худой,
уткнувшись в ворот бородой,

в снегах не наших площадей,
с немецкой елочкой своей.

И в поэтический овал
твой силуэт я врисовал.

1925

ЛЫЖНЫЙ ПРЫЖОК

Для состязаний быстролетных
на том белеющем холму
вчера был скат на сваях плотных
сколочен. Лыжник по нему

съезжал со свистом; а пониже
скат обрывался: это был
уступ, где становились лыжи
четою ясеневых крыл.

Люблю я встать над бездной снежной,
потуже затянуть ремни...
Бери меня, наклон разбежный,
и в дивной пустоте — распни.

Дай прыгнуть под гуденье ветра,
под трубы ангельских высот,
не семьдесят четыре метра,
а миль, пожалуй, девятьсот.

И небо звездное качнется,
легко под лыжами скользя,
и над Россией пресечется
моя воздушная стезя.

Увижу инистый Исакий,
огни мохнатые во льду,
и, вольно прозвенев во мраке,
как жаворонок, упаду.

1926

КИНЕМАТОГРАФ

Люблю я световые балаганы
все безнадежнее и все нежней.
Там сложные вскрываются обманы
простым подслушиваньем у дверей.

Там для распутства символ есть единый —
бокал вина; а добродетель — шьет.
Между чертами матери и сына
острейший глаз там сходства не найдет.

Там, на руках, в автомобиль огромный
не чуждый состраданья богаты
усердно вносит барышень бездомных,
в тигровый плед закутанных детей.

Там письма спешно пишутся средь ночи:
опасность... трепет... поперек листа
рука бежит... И как разборчив почерк,
какая писарская чистота!

Вот спальня озаренная. Смотрите,
как эта шаль упала на ковер.
Не виден ослепительный юпитер,
не слышен раздраженный режиссер;

но ничего там жизнью не трепещет:
пытливый гость не может угадать
связь между вещью и владельцем вещи,
житейскую особую печать.

О да! Прекрасны гонки, водопады,
вращение зеркальной темноты.
Но вымысел? Гармонии услада?
Ума полет? О, Муза, где же ты?

Утолит злого, доброго поженит,
и снова, через веки и века,
спешит роскошное воображенье
самоуверенного пошляка.

И вот конец... Рояль незримый умер,
темно и незначительно пожив.
Очнулся мир, прохлагою и шумом
растаявшую выдумку сменив.

И со своей подругою приказчик,
встречая ветра влажного напор,
держа ладонь над спичкою горящей,
насмешливый выносит приговор.

1928

БУДУЩЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Ты, светлый житель будущих веков,
ты, старины любитель, в день урочный
откроешь антологию стихов,
забытых незаслуженно, но прочно.

И будешь ты, как шут, одет на вкус
Моей эпохи, фрачной и сюртучной.
Облокотись. Прислушайся. Как звучно
Былое время — раковина муз.

Шестнадцать строк, увенчанных овалом
с неясной фотографией... Посмей
побрезговать их слогом обветшалым,
опрятностью и бедностью моей.

Я здесь с тобой. Укрыться ты не волен.
К тебе на грудь я прынул через мрак.
Вот холодок ты чувствуешь; сквозняк
из прошлого... Прощай же. Я доволен.

1930

НА ЗАКАТЕ

На закате, у той же скамьи,
как во дни молодые мои,

на закате, ты знаешь каком,
с яркой тучей и майским жуком,

у скамьи с полусгнившей доской
высоко над румяной рекой,

как тогда, в те далекие дни,
улыбнись и лицо отверни,

если душам умерших давно
иногда возвращаться дано.

1935

* * *

Благодарю тебя, отчизна,
за злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
я сам с собою говорю.
И в разговоре каждой ночи
сама душа не разберет,
мое ль безумие бормочет,
твоя ли музыка растет...
(Из романа «Дар», 1937)

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА ПЕТРОВЫХ

(1908—1979)

Окончила экстерном литературный факультет МГУ. Печататься начала в 1926 г.

Уже ранняя лирика М. Петровых обратила на себя внимание Пастернака, Мандельштама, Ахматовой... Последняя считала ее автором «самобытных и точных» стихов.

Лирика М. Петровых исполнена драматизма, она раскрывает характер сильный и нежный, способный на глубокое искреннее чувство. Поэтесса умеет словам обычного литературного лексикона придать новую напряженность, новое значение. М. Петровых словно предлагает взглянуть, вчитаться в сложную простоту русского поэтического слова. Рисунок большинства ее стихов полон нежности и света.

Поэт Арсений Тарковский писал: «Мария Петровых в ранней юности, никому не подражая, заговорила вполне взрослыми стихами. Глубина замысла и способность к особому словосочетанию делают ее стихи ярким явлением в нашей поэзии. Слова в стихах Марии Петровых светятся, загораясь одно от другого, соседнего. Тайна поэзии Марии Петровых — тайна сильной мысли и обогащенного слова...»

НОЧЬ

Ночь нависает стынущей, стонущей,
Натуго кутая темнотой,

Ласковый облик в истоме тонуций,
Манит, обманывая тобой.

Искрами злыми снега исколоты.
Скрип и гуденье в себе таят.
Даль недолетна. Лишь слышно: от холода
Звезд голубые хрящи хрустят.

1927

* * *

Стихов ты хочешь? Вот тебе —
Прислушайся всерьез,
Как шепелявит оттепель
И как молчит мороз.

Как воробьи, чирикая,
Кропят следками снег
И как метель великая
Храпит в сугробном сне.

Белы надгробья веточек,
Как затвердевший свет...
Февраль маячит светочем
Предчувствий и примет.

Февраль! Скращенье участков,
Каких разлук и встреч!
Что б ни было — отмучайся,
Но жизнь сумей сберечь.

Что б ни было — храни себя.
Мы здесь, а там — ни зги.
Моим зрачком пронизывай,
Моим пыланьем жги.

Живи двойною силою,
Безумствуй за двоих.
Целуй другую милую
Всем жаром губ моих.

1932

КОНЕЦ ГОДА

Не до смеха, не шуток —
Для меня всего страшней
Этот узкий промежуток
В плотной толще зимних дней.

Та же кружит непогода,
В тех же звездах мерзнет свет,
Но умолкло сердце года,
И другого сердца нет.

Триста шестьдесят биений,
И впоследки — шесть иль пять,
А потом — в метельной пене
Задохаться, умирать.

Это вздор. А кроме шуток,
Страшен так, что нету сил,
Напряженный промежуток
От рождений до могил.

1932—1933

СТИХИ 40-х ГОДОВ

* * *

Люби меня. Я тьма кромешная.
Слепая, путаная, грешная.

Но ведь кому, как не тебе,
Любить меня? Судьба к судьбе.
Гляди, как в темном небе звезды
Вдруг проступают. Так же просто
Люби меня, люби меня,
Как любит ночь сиянье дня.
Тебе и выбора-то нет:
Ведь я лишь тьма, а ты лишь свет.

* * *

Говорят, от судьбы не уйдешь.
Ты над этим смеешься? Ну что ж,
Покажи мне, любимый, звезду,
По которой тебя не найду,

Покажи мне, любимый, пути,
На которых тебя не найти,
Покажи мне, любимый, коня,
Которым объедешь меня.

* * *

Я думала, что ненависть — огонь,
Сухое, быстродышащее пламя,
И что промчит меня безумный конь
Почти летя, почти под облаками...
Но ненависть — пустыня. В душевной, в ней
Иду, иду, и ни конца, ни краю,
Ни ветра, ни воды, но столько дней
Одни пески, и я трудней, трудней
Иду, иду, и, может быть, вторая
Иль третья жизнь сменилась на ходу.
Конца не видно. Может быть, иду
Уже не я. Иду, не умирая...

ЧЕРТА ГОРИЗОНТА

Вот так и бывает: живешь — не живешь,
А годы уходят, друзья умирают,
И вдруг убедишься, что мир не похож
На прежний, и сердце твое догорает.

Вначале черта горизонта резка —
Прямая черта между жизнью и смертью,
А нынче так низко плывут облака,
И в этом, быть может, судьбы милосердьё.

Тот возраст, который с собою принес
Утраты, прощенья, — наверное, он-то
И застил туманом непролитых слез
Прямую и резкую грань горизонта.

Так много любимых покинуло свет,
Но с ними беседуешь ты, как бывало,
Совсем забывая, что их уже нет...
Черта горизонта в тумане пропала.

Тем проще, тем легче ее перейти, —
Там эти же рощи и озими эти ж...
Ты просто ее не заметишь в пути,
В беседе с ушедшим — ее не заметишь.

1957

В МИНУТУ ОТЧАЯНИЯ

Весь век лишь слова ищешь ты,
Единственного слова.
Оно блеснет из темноты
И вдруг погаснет снова.

Ты не найдешь путей к нему
И не жалея об этом:
Оно не переносит тьму,
Оно не станет светом.

Так позабудь о нем, пойми,
Что поиски напрасны,
Что все равно людей с людьми
Оно сроднить не властно.

Зачем весь век в борьбе с собой
Ты расточаешь силы,
Когда смолкает звук любой
Пред немотой могилы.

1958

* * *

Ты отнял у меня и свет и воздух,
И хочешь знать, — где силы я беру,
Чтобы дышать, чтоб видеть небо в звездах,
Чтоб за работу браться поутру.

Ну что же, я тебе отвечу, милый:
Растоптанные заживо сердца
Отчаянье вдруг наполняет силой,
Отчаянье без края, без конца.

1958

* * *

Нет, мне уже не страшно быть одной.
Пусть ночь темна, дорога незнакома.

Ты далеко и все-таки со мной.
И мне спокойно, мне легко, я дома.

Какие чары в голосе родном!
Я сокрушаюсь только об одном —
О том, что жизнь прошла с тобою розно,
О том, что ты позвал меня так поздно.

Но даже эта скорбь не тяжела.
От унижений, ужасов, увечий
Я не погибла, нет, я дожила,
Дождалась, дошла до нашей встречи.

Твоя немыслимая чистота —
Мое могущество, моя свобода,
Мое дыханье: я с тобою та,
Какой меня задумала природа.

Я не погибла, нет, я спасена.
Гляди, гляди — жива и невредима.
И даже больше — я тебе нужна.
Нет, больше, больше — я необходима.
1962

* * *

Куда, коварная строка?
Ты льстишься на приманку рифмы?
Ты хочешь, чтобы вкось и вкривь мы
Плутали? Бей наверняка,

Бей в душу, иль тебя осият
Созвучья рвущиеся врозь.
Коль ты стрела — лети навывлет,
Коль ты огонь — свети насквозь.
1963

* * *

Судьба за мной присматривала в оба,
Чтоб вдруг не обошла меня утрата.
Я потеряла друга, мужа, брата,
Я получила письма из-за гроба.

Она ко мне внимательна особо
И на немые муки торовата.
А счастье исчезало без возврата...
За что, я не пойму, такая злоба?

И все исподтишка, все шито-крыто.
И вот сидит на краешке порога
Старуха у разбитого корыта.

— А что? — сказала ты. — И впрямь старуха.
Ни памяти, ни зрения, ни слуха.
Сидит бормочет про судьбу, про бога...

1967

* * *

Ни ахматовской кротости,
Ни цветаевской ярости —
Поначалу от робости,
А позднее от старости.

Не напрасно ли прожито
Столько лет в этой местности?
Кто же все-таки, кто же ты?
Отзовись из безвестности!..

О, как сердце отравлено
Немотой многолетней!

Что же будет оставлено
В ту минуту последнюю?
Лишь начало мелодии,
Лишь мотив обещания,
Лишь мученье бесплодия,
Лишь позор обнищания.
Лишь тростник заколышется
Тем напевом чуть начатым...
Пусть кому-то послышится,
Как поет он, как плачет он.

1967

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Слова пустые лежат, не дышат,
Слова не знают — зачем их пишут,
Слова без смысла, слова без цели,
Они озябших не отогрели,
Они голодных не накормили, —
Слова бездушья, слова бессилья!
Они робеют, они не смеют,
Они не светят, они не греют,
И лишь немеют в тоске сиротства,
Не сознавая свое уродство.

1969

* * *

Одно мне хочется сказать поэтам:
Умейте домолчать до стихов.
Не пишется? Подумайте об этом,
Без оправданий, без обвиняков.

Но, дознаваясь до жестокой сути
Жестокого молчанья своего,
О прямодушии не позабудьте,
И главное — не бойтесь ничего.

1971

* * *

Как были эти годы хороши,
Когда и я стихи писать умела.
Невзрачные, они росли несмело,
И все-таки — из сердца, из души.

1974

АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ ГАЛИЧ

(1918—1977)

Известен как драматург — автор пьес и киносценариев, исполнитель собственных песен. В 1971 г. исключен из Союза писателей и Союза кинематографистов, в 1974 г. был вынужден покинуть СССР. Жил в Норвегии, Германии, Франции. Умер в Париже.

Своими учителями в поэзии А. Галич считал Мандельштама, Ахматову, Пастернака.

Главное достоинство песенной поэзии А. Галича в умении запечатлеть быт и нравы современной ему действительности, часто абсурдной и страшной. Именно поэтому его песни были признаны в свое время «опасными» и названы «грязной клеветой на социалистический строй». Стихи-песни Галича могут быть смешными, сердитыми, грустными, а то и жестокими, но они всегда исполнены лирической тоски по человечности, справедливости, гармонии и смыслу социальной жизни. Сила его таланта не разрушительная, как казалось власть предержащим, а созидательная: он саркастически, но и сострадательно запечатлевает абсурд жизни, доходя до щедринского гротеска. Мир песен Галича фантастичен, но узнаваем.

Критик Ст. Рассадин пишет: «Острота» схлынула, унеся с собой многое, что недавно радостно нас пугало. Галич остался. Не потому, что многое он сказал один из первых, — эта честь несомненна, но эфемерна. Галич остался потому, что сказанное им — литература. Поэзия».

ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ

Под утро, когда устанут
Влюбленность, и грусть, и зависть,
И гости опохмелятся
И выпьют воды со льдом,
Скажет хозяйка: — Хотите
Послушать старую запись? —
И мой глуховатый голос
Войдет в незнакомый дом.

И кубики льда в стакане
Звякнут легко и ломко,
И странный узор на скатерти
Начнет рисовать рука,
И будет бренчать гитара,
И будет крутиться пленка,
И в дальний путь к Абакану
Отправятся облака...

И гость какой-нибудь скажет:
— От шуточек этих зябко,
И автор напрасно думает,
Что сам ему черт не брат!
— Ну, что вы, Иван Петрович, —
Ответит ему хозяйка, —
Бояться автору нечего,
Он умер сто лет назад...

ЧЕРНОВИК ЭПИТАФИИ

Худо мне было, люди, худо...
Но едва лишь начну про это —
Люди спрашивают — откуда,
Где подслушано, кем напето?

Дуралеи спешат смеяться,
Чистоплюи воротят морду...
Как легко мне было сломаться,
И сорваться, и спиться к черту!

Не моя это вроде боль,
Так чего ж кидаюсь в бой?!
А вела меня в бой судьба,
Как солдата ведет труба!

Сколько раз на меня стучали
И дивились, что я на воле,
Ну, а если б я гнил в Сучане,
Вам бы легче дышалось, что ли?

И яснее б вам, что ли, было,
Где «по совести», а где «кроме»,
И зачем я, как сторож в бйло¹,
Сам в себя колочусь до крови?!

И какая, к чертям, судьба?
И какая, к чертям, труба?
Мне б частушкой по струнам — влет,
Да гитара, как видно, врет!

А хотелось-то мне в дорогу
Налегке, при попутном ветре,
Я бы пил молоко, ей-богу,
Я б в лесу ночевал, поверьте!

И шагал бы, как вольный цыган,
Никого бы нигде не трогал,
Я б во Пскове по-птичьи цыкал
И округло б на Волге окал,

---

¹ Бйло — металлическая доска для подачи сигнала.

И частушкой по струнам — влет,
Да гитара, как видно, врет.
Лишь мучительна и странна,
Все одна дребезжит струна.

Понимаю, что просьба тщетна,
Понимают — поименитей!
Ну, не тризною, так хоть чем-то,
Хоть всухую, да помяните!

Хоть за то, что я верил в чудо,
И за песни, что пел без склада...
А про то, что мне было худо,
Никогда вспоминать не надо!

И мучительна и странна,
Все одна дребезжит струна,
И приладиться к ней, ничьей,
Пусть попробует кто ловчей!

ПЕСНЯ ПРО МАЙОРА ЧИСТОВА

Я спросонья вскочил — патлат,
Я проснулся, а сон за мной,
Мне приснилось, что я — атлант,
На плечах моих — шар земной!

И болит у меня спина,
То мороз по спине, то жар,
И, с устатку пьяней пьяна,
Я роняю тот самый шар!

И, ударившись об Ничто,
Покатился он, как звезда,

Через Млечное решето
В бесконечное Никуда!

И так странен был этот сон,
Что ни дочери, ни жене
Не сказал я о том, что он
Этой ночью приснился мне!

Я и сам отогнал ту боль,
Будто наглухо дверь забил,
И часам к десяти ноль-ноль
Я и вовсе тот сон забыл.

Но в двенадцать ноль-ноль часов
Простучал на одной ноге
На работу майор Чистов,
Что заведует буквой «Г»!

И открыл он мое досье,
И на чистом листе — педант! —
Написал он, что мне во сне
Нынче снилось, что я — атлант!

1964—1966

СЪЕЗДУ ИСТОРИКОВ

Полцарства в крови, и в развалинах век,
И сказано было недаром:
«Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам...»
И эти, звенящие медью, слова
Мы все повторяли не раз и не два.

Но как-то с трибуны большой человек
Воскликнул с волнением и жаром:
«Однажды задумал предатель Олег
Отмстить нашим братьям-хазарам...»
Уходят слова, и приходят слова,
За правдою правда вступает в права.

Так помните ж, люди, и знайте вовек,
И к черту дурацкая смута:
«Каким-то хазарам какой-то Олег
За что-то отместил почему-то...»
И это преданье седой старины —
Пример для историков нашей страны!

БАЛЛАДА

*о том, как едва не сошел с ума директор антикварного
магазина № 22 Копылов Н. А., рассказанная им самим
доктору Беленькому Я. И.*

...Допекла меня все же Тонечка,
Гарнитур купил ей ореховый!
Я ж не брал сперва — ни вот столечка!
А уж как начал, так поехало!
Как пошла молоть прорва адова —
Где по сотенке, где по камушку,
Намолола мне дачку в Кратове,
Намолола мне «Волгу»-матушку!
Деньги-денежки, деньги-катыши,
Вы и слуги нам, и начальники!
А у нас товар деликатнейший,
Не стандарт какой: чашки-чайники!

Чашки-чайники, фрукты-овощи,
Там кто хошь возьмет, хошь беспомощный!

А у нас товар — на любителя,
Павлы разные да Людовики,
А любителю — чем побитее,
Самый смак ему, что не новенький!
И ни-ни, чтоб по недомыслию
Спутать Францию или Швецию...
А недавно к нам на комиссию
Принесло одну старушенцию.
И в руках у ней — не хрусталина,
Не фарфоровые бомбончики,
А пластиночки с речью Сталина,
Ровно десять штук — и все в альбомчике.

А я стреляный, а я с опытом!
А я враз понял — пропал пропадом!

Тем речам цена — ровно тридцать «рэ»!
(И принес же черт сучку-пташечку!)
Ну, какой мне смысл на такой муре
Наблюдать посла небо в шашечку?!
Вот и вдумайтесь в данный факт, друзья,
(На добре ж сижу, не на ветоши!)
Мне и взять нельзя, и не взять нельзя —
То ли гений он, а то ли нет еще?!
Тут и в прессе есть расхождения,
И вообще идут толки разные...
Вот и вникните в положение
Исключительно безобразное!

Они спорят там, они ссорятся!
Ну, а я решай, а мне бессонница!

Я матком — в душе, а сам с улыбочкой,
Выбираю слова приличные,
За альбомчик, мол, вам — спасибочко!
Мол, беру его — за наличные!

И даю я ей свои кровные,
Продавцы вокруг удивляются.
Они, может быть, деньги скромные,
Но ведь тоже зря не валяются!
И верчусь весь день, как на вертеле,
Ой, туманится небо светлое!
И — хоть верьте мне, хоть не верьте мне,
А началось тут несусветное!

А я стреляный! А я с опытом!
А я враз понял — пропал пропадом!

Или бабуку ту сам засек народ,
Или стукнулась со знакомыми,
Но с утра ко мне в три хвоста черед:
Все с пластинками, все с альбомами!
И растет, растет гора целая,
И наличность вся — в угасании!
Указание б чье-то ценное!
Так ведь нет его, указания!
В пух и прах пошла дачка в Кратове,
«Волга»-матушка — мое детище!
И гвоздит мне мозг многократное:
То ли гений он, то ли нет еще?!

«Я маленькая девочка — танцую и пою,
Я Сталина не видела, но я его люблю!»
А я стреляный, а я с опытом!
А я враз понял — пропал пропадом!

...но доктор Беленький Я. И. не признал Копылова Н. А. душевнобольным и не дал ему направления в психиатрическую клинику...

ЗАСЫПАЯ И ПРОСЫПАЯСЬ

Все снежком январским припорошено,
Стали ночи долгие лютей...
Только потому, что так положено,
Я прошу прощенья у людей.

Воробьи попрятались в скворешники,
Улетели за море скворцы...
Грешного меня — простите, грешники,
Подлого — простите, подлецы!

Вот горит звезда моя субботняя,
Равнодушна к лести и хуле...
Я надену чистое исподнее,
Семь свечей расставлю на столе.

Расшумятся к ночи дурни-лабухи,
Ветры и поземки чертовня...
Я усну, и мне приснятся запахи
Мокрой шерсти, снега и огня.

А потом из прошлого бездонного
Выплывет озябший голосок —
Это мне Арина Родионовна
Скажет: «Нит гедайге¹, сии, сынок.

Сгнило в вошебойке платье узника,
Всем печалям подведен итог,
А над Бабьим Яром — смех и музыка,
Так что все в порядке, спи, сынок.

Спи, но в кулаке зажми оружие,
Ветхую Давидову пращу!»

---

¹ Не расстраивайся, не огорчайся (*евр.*).

...Люди мне простят от равнодушия,
Я им — равнодушья — не прощу!

* * *

Я в путь собирался всегда налегке,
Без долгих прощальных торжеств,
И маршальский жезл не таскал в рюкзаке,
На кой он мне, маршальский жезл!

Я был рядовым и умру рядовым.
Всей щедрой земли рядовой,
Что светом дарила меня даровым,
Поила водой даровой.

До старости лет молоко на губах,
До тьмы гробовой — рядовой.
А маршалы пусть обсуждают в штабах
Военный бюджет годовой.

Пускай заседают за «круглым столом»
Вселенской охоты псари,
А мудрость их вся заключается в том,
Что два — это меньше, чем три.

Я сам не люблю старичков-ворчунов,
И все-таки — истово рад,
Что я не изведаль бесчестья чинов
И милость сановных наград.

Земля под ногами и посох в руке
Торжественней всяких божеств,
А маршальский жезл у меня в рюкзаке —
Свирель, а не маршальский жезл.

БОРИС ЧИЧИБАБИН

(Борис Алексеевич Полушин)

(род. в 1923) -1994

Борис Чичибабин родился в г. Кременчуге на Украине. Учился в Харьковском государственном университете, с 1946 по 1951 г. отбывал наказание по необоснованному обвинению. Печататься начал в 1963 г. В 60-е годы выпустил четыре сборника стихов, после чего на долгое время оказался за пределами литературной жизни, что явилось в итоге для него благом: не участвовал в литературной борьбе, не подстраивался под настроения времени и сумел сохранить чистоту и непосредственность собственного поэтического голоса, оригинальность мировосприятия.

Поэзия Б. Чичибабина во многом пророческая, воскресающая одну из славных традиций русской классической лиры: обращаться к истории своего народа и пророчествовать его будущее.

Всё земное в поэзии Чичибабина неразрывно связано с небесным, соизмерено небесным и освещено им. В своем поэтическом сознании он умеет реконструировать как родную национальную культуру, так и культуры других народов. При этом неизменной остается позиция поэта, для которого чужой культуры просто нет: есть культура человечества, и к ней может быть

только одно отношение — она высшая духовная ценность и ее надо сохранять.

Стих Бориса Чичибабина необычайно звучен и пластичен, смысловая глубина рождается уже в самом звучании стихотворения. Поэт умеет расширить смысловое значение слова, образа.

СТИХИ О РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Ни с врагом, ни с другом не лукавлю.
Давний путь мой темен и грозов.
Я прошел по дереву и камню
повидавших виды городов.

Я дышал историей России.
Все листы в крови — куда ни глянь.
Грозный царь на кровли городские
простирает бешеную длань.

Клича смерть, опричники несутся.
Ветер крутит пыль и мечет прах.
Робкий свет пророков и безумцев
тихо каплет с виселиц и плах...

Но когда закручивался узел
и когда запенивался шквал,
Александр Сергеевич не трусил,
Николай Васильевич не лгал.

Меря жизнь гармонией небесной,
отрешась от лживой правоты,
не тужили бражники над бездной,
что не в срок их годы прожиты.

Не для славы жили, не для риска,
вольной правдой души утоля.
Тяжело Словесности Российской.
Хороши ее Учителя.

Ночью черниговской с гор араратских,
шерсткой ушей доставая до неба,
чад упасая от милостынь братских,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Плачет Господь с высоты осиянной,
церкви горят золоченой известкой.
Меч наострил Святополк окаянный,
дышут убивцы за каждой березкой.

Еле касаясь камней Синая,
темного бора, воздушного хлеба,
беглою рысью кормильцев спасая,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Путают путь им лукавые черти.
Даль просыпается в россыпях солнца.
Бог не повинен ни в жизни, ни в смерти,
Мук не принявший во век не спасется.

Киев поникнет, расплещется Волга,
глянет Царьград обреченно и слепо,
как от кровавых очей Святополка
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Смертынька ждет их на выжженных пожнях¹,
нет им пристанища, будет им плохо,
коль не спасет их от смерти художник,
бражник и плужник по имени Леха.

---

¹ По ж н я (устар.) — жнивье или луг.

Пусть же вершится веселое чудо,
служится красками звонкая треба,
в райские кущи от здешнего худа
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Бог-вседержатель с лазоревой тверди
ласково стелет под ноженьки путь им.
Бог не повинен ни в жизни, ни в смерти.
Чад убиенных волшбою разбудим.

Ныне и присно по кручам Синая,
по полю русскому, в русское небо,
ни колоска под собой не сминая,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

ПРОКЛЯТИЕ ПЕТРУ

Будь проклят, император Петр,
стеливший души, как солому!
За боль текущего к былому
пора устроить пересмотр.

От крови пролитой горяч,
будь проклят, плотник саардамский,
мешок с дерьмом, угодник дамский,
печали певческий палач!

Сам брáды стриг, сам глáвы сек.
Будь проклят, царь-христуубийца,
за то, что кровию упиться
ни разу досыта не смог.

А Русь ушла с лица земли
в тайнохранительные срубы,
где никакие душегубы
ее обидеть не могли.

Будь проклят, ратник сатаны,
смотритель каменной мертвецкой,
кто от нелепицы стрелецкой
натряс в немецкие штаны!

Будь проклят, нравственный урод,
ревнитель дел, громада плоти!
А я служу другой заботе,
а ты мне затыкаешь рот.

Будь проклят тот, кто проклял Русь,
сию морозную Элладу!
Руби мне голову в награду
за то, что с ней не покорюсь.

ПРИЗНАНИЕ

Зима шуршит снежком по золотым аллеям,
надежно хороня земную черноту,
и по тому снежку идет Шолом Алейхем
с усмешечкой в очках, с оскоминой во рту.

В провидческой тоске сорочьих сборищ мимо
в последний раз идет по родине своей, —
а мне на той земле до мук необъяснимо,
откуда я пришел, зачем живу на ней.

Смущаясь и таясь, как будто я обманщик,
у холода и тьмы о солнышке молю,
и всё мне снится сон, что я еврейский мальчик,
и в этом русском сне я прожил жизнь мою.

Мосты мои висят беспомощны и шатки,
уйти бы от греха, забыться бы на миг...
Отрушиваю снег с невыносимой шапки —
и попадаю в круг друзей глухонемых.

В душе моей поют сиротские соборы
и белый снег метет меж сосен и берез,
но те, кого люблю, на приговоры скоры
и грозный суд вершат не в шутку, а всерьез.

Мы рушим на века и лишь на годы строим,
мы давимся в гробах, а Божий свет широк, —
игра не стоит свеч, и грустно быть героем,
ни Богу, ни себе не в радость и не впрок.

А я один из тех, кто ведает, и мямлит,
и напрягает слух пред мировым концом.
Пока я вижу сны, еще я добрый Гамлет,
но шпагу обнажу — и стану мертвецом...

ХЕРСОНЕС

Какой меня ветер занес в Херсонес?
На многое пала завеса.
Но греческой глины могучий замес
удался во славу Зевеса.

Кузнечики славы обжили полынью,
и здесь не заплачут по стуже,
кто полон видений бесстыжих богинь
и верен печали пастушьей.

А нас к этим скалам прибила тоска,
трубила бессонница хрипло,
но здешняя глина настолько вязка,
что к ней наше горло прилипло.

Наш город явился из царства цикад,
из желтой ракушечьей пыли,
чтоб мы в нем, как в детстве, брели наугад
и нежно друг друга любили...

Подводные травы хранят в себе йод,
упавшие храмы не хмуры,
и лира у моря для мудрых поет
про гибель великой культуры...

В изысканной бухте кончалась одна
из сказок Троянского цикла.
И сладкие руки ласкала волна,
как той, что из пены возникла.

И в прахе открытом всё виделись мне
дворы с миндалем и сиренью.
Давай же учиться у желтых камней
молчанью мечты и смиренью.

Да будут нам сниться воскресные сны
про край, чья душа одинока,
где днища давлен незримо красны
от гроздей истлевшего сока.

ЗАЩИТА ПОЭТА

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Пушкин

С детских лет избегающий драк,
чтящий свет от лампад одиноких,
я — поэт. Мое имя дурак
и бездельник, по мнению многих.

Тяжек труд мне и сладостен грех,
век мой в скорби и праздности прожит,
но чтоб я был ничтожнее всех,
в том и гений быть правым не может.

И хоть я не из самых зануд,
но, за что-то святое жалея,
есть мне чудо, что Лилей зовут,
с кем спасённое всех на земле я.

Я — поэт, и мой воздух — тоска,
можно ль выжить, о ней не поведав?
Пустомель, что у моря песка,
но как мало у мира поэтов.

Пусть не мед — языками молоть,
на пегасиках ловких процокав
под казенной уздой, но Господь
возвещает устами пророков.

И, томим суетою сует,
и, как Бога, зовя вдохновенье,
я клянусь, что не может поэт
быть ничтожным хотя б на мгновенье.

Соловей за хвалой не блесит.
Улыбнись на бесхитростность птичью.
Надо все-таки выпить за стыд
и пора приучаться к величью.

Светлый рыцарь и верный пророк,
я пронизан молчанья лучами.
Мне опорой Пушкин и Блок.
Не равняйте меня с рифмачами.

Пусть я ветрен и робок в миру,
телом немощен, в куче бессмыслен.
Но когда я от горя умру,
буду к лику святых сопричислен.

Я — поэт. Этим сказано все.
Я из времени в вечность отпущен.
Да пройду я босой, как Басе,
по лугам, стрекозино поющим.

И, как много столетий назад,
просветлев при божественном кличе,
да пройду я, как Данте, сквозь ад
и увижу в раю Беатриче.

И с возлюбленной взмою в зенит,
и от губ отрешенное слово
в воскрешенных сердцах зазвенит
до скончания века земного.

НАУМ КОРЖАВИН
(Наум Моисеевич Мандель)
(род. в 1925)

Окончил горный техникум в Караганде и Литературный институт им. М. Горького. Будучи студентом Литературного института, был арестован и отправлен на поселение в Сибирь. Поводом для ареста и высылки послужили стихи. Печататься начал в 1941 г., первая книга вышла в 1963.

В 1972 г. Н. Коржавин вынужден был покинуть страну. Живет в Бостоне (США).

Основные темы поэзии Н. Коржавина — размышления о судьбе его современника в сложной и противоречивой истории родины, наблюдения над судьбами искусства и творческого человека. Поэт обращается часто к событиям Великой Отечественной войны. Стихам Коржавина свойственны гражданственность и философский лиризм, умение проникнуть в подспудную, тайную сторону явлений, внешне простых и понятных. Стихи нередко наполнены горькой иронией и тонким юмором, насмешкой. С самого первого появления в печати эти стихи поражали современников тем, что в них открыто и прямо говорилось о вещах «недопустимых» и «опасных», называлось то, о чем не то что говорить вслух, но и думать было опасно.

Критик Б. Сарнов пишет о Н. Коржавине: «Нелепо и чудовищно, что человек, который всю свою сознательную жизнь так ощущал себя и свое место в мире, этот до мозга костей русский интеллигент, не мыслящий себя и свою жизнь вне России, вне ее культуры и исторической судьбы, вынужден теперь жить вдали от родины».

СТИХИ О ДЕТСТВЕ И РОМАНТИКЕ

Гуляли, целовались, жили-были...
А между тем, гнусавя и рыча,
Шли в ночь закрытые автомобили
И дворников будили по ночам.
Давил на кнопку, не стеснясь, палец,
И вдруг по нервам прыгала волна...
Звонок урчал... И дети просыпались,
И вскрикивали женщины со сна.
А город спал. И наплевать влюбленным
На яркий свет автомобильных фар,
Пока цветут акации и клены,
Роняя аромат на тротуар.
Я о себе рассказывать не стану —
У всех поэтов ведь судьба одна...
Меня везде считали хулиганом,
Хотя за жизнь не выбил и окна...
А южный ветер навевает смелость.
Я шел бродить и не писал дневник.
А в голове крутилось и вертелось
От множества революционных книг.
И я готов был встать за это грудью,
И я поверить не умел никак,
Когда насквозь неискренние люди
Нам говорили речи о врагах...
Романтика, растоптанная ими,
Знамена запыленные кругом...
И я бродил в акациях, как в дыме.
И мне тогда хотелось быть врагом.

1944

ЗАВИСТЬ

Можем строчки нанизывать
Посложнее, попроще,

Прочный труд и зеленый сад,
И детей доверчивый взгляд,
Вера робкая в их пути
И душа, чтоб в нее уйти.

В наши подлые времена
Человеку совесть нужна,
Мысли те, что в делах ни к чему,
Друг, чтоб их доверять ему.

Чтоб в неделю хоть час один
Быть свободным и молодым.
Солнце, воздух, вода, еда —
Все что нужно всем и всегда.

И тогда уже может он
Дождаться иных времен.

1956

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

Ни к чему,
ни к чему,
ни к чему полуночные бденья
И мечты, что проснешься
в каком-нибудь веке другом.
Время?
Время дано.
Это не подлежит обсуждению.
Подлежишь обсуждению ты,
разместившийся в нем.
Ты не верь,
что грядущее вскрикнет,
всплеснувши руками:

«Вот какой тогда жил,
да бедняга от века зачах».
Нету легких времен.
И в людскую врезается память
Только тот,
кто пронес эту тяжесть
на смертных плечах.
Мне молчать надоело.
Проходят тяжелые числа,
Страх тюрьмы и ошибок
и скрытая тайна причин...
Перепутано — все.
Все слова получили сто смыслов.
Только смысл существа
остается, как прежде,
один.
Вот такими словами
начать бы хорошую повесть, —
Из тоски отупенья
в широкую жизнь переход...
Да! Мы в Бога не верим,
но полностью веруем в совесть,
В ту, что раньше Христа родилась
и не с нами умрет.
Если мелкие люди
ползут на поверхность
и давят,
Если шабаш их мелких страстей
называется страсть,
Лучше встать и сказать,
даже если тебя обезглавят,
Лучше пасть самому,
чем душе твоей в мизерность
впасть.
Я не знаю,
что надо творить

Вернуться
                    все забрать
                                            и наказать.
Холодный траур,
                    стиль речей —
                                            высокий.
Он всех давил
                    и не имел друзей...
Я сам не знаю,
                    злым иль добрым роком
Так много лет
                    он был для наших дней.
И лишь народ
                    к нему не посторонний,
Что вместе с ним
                    все время трудно жил,
Народ
                    в нем революцию
                                            хоронит,
Хоть, может, он того не заслужил.
В его поступках
                    лжи так много было,
А свет знамен
                    их так скрывал в дыму,
Что сопоставить это все
                                            не в силах —
Мы просто
                    слепо верили ему.
Моя страна!
                    Неужто бестолково
Ушла, пропала вся твоя борьба?
В тяжелом мутном взгляде Маленкова
Неужто нынче
                    вся твоя судьба?
А может, ты поймешь
                                            сквозь муки ада,

Прости меня, прости, Отчизна,
Что я не там тебя искал.
Когда их выперло из жизни,
Я только думать привыкал.
Немного было мне известно,
Но все ж казалось — я постиг.
Их выпирали так нечестно,
Что было ясно — честность в них.
За ними виделись мне грозы,
Любовь... И где тут видеть мне
За их бедой — другие слезы,
Те, что отлились всей стране.
Пред их судьбой я не виновен.
Я ею жил, о ней — кричал.
А вот об этой — главной — крови
Всегда молчал. Ее — прощал.
За тех юнцов я всей душою
Болею... В их шкуру телом влез.
А эта кровь была чужою,
И мне дороже был прогресс.
Гнев на себя — он не напрасен.
Я шел на ложные огни.
А впрочем, что ж тут? Выбор ясен.
Хотя б взглянуть на наши дни:
У тех трагедии, удары,
Судьба... Мужик не так богат:
Причин — не ищет. Мемуаров —
Не пишет... Выжил — ну и рад.
Грех — кровь пролить из веры в чудо.
А кровь чужую — грех вдвойне.
А я молчал...

Но впредь — не буду:
Пока молчу —
та кровь на мне.

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ ВЫСОЦКИЙ (1938—1980)

Родился в семье военнослужащего. Учился в Московском инженерно-строительном институте, окончил Школу-студию МХАТ, работал в московских театрах, с 1964 г. в Театре драмы и комедии на Таганке.

В. Высоцким написано более 600 песен и стихов, которые он начал исполнять со сцены в 1965 г.

Творческая позиция В. Высоцкого формировалась в 60—70-е гг. Герои его песен-монологов не схожи, но их всегда объединяет позиция самого автора. Он видит в жизни все: хорошее и плохое, высокое и низменное, он знает реальную жизнь и никогда не подрумянивает, не улучшает ее. Может быть, именно поэтому каждый в его песнях-стихах узнавал себя и свое время. Поэт вживался в образы, от лица которых написаны монологи, но всегда умел оставаться самим собой. Он мог петь о самом «обыденном» и даже «низком», но сила таланта поднимала любую тему.

В. Высоцкий сопротивлялся отождествлению его с героями песен-монологов: «Меня часто отождествляют с героями моих песен, но никто не догадался еще спросить, не был ли я волком, лошадью или истребителем, от имени которых я тоже пою...»

ХОЛОДА

В холода, в холода
От насиженных мест

Нас другие зовут города, —
Будь то Минск, будь то Брест, —
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста
От родных тополей
Нас суровые манят места —
Будто там веселей, —
Неспроста, неспроста.

Как нас дома не грей —
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей, —
Будто с нами беда,
Будто с ними теплей.

Как бы ни было нам
Хорошо иногда —
Возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может — здесь, может — там...

1965

ЗВЕЗДЫ

Мне этот бой не забыть нипочем —
смертью пропитан воздух,
а с небосклона бесшумным дождем
падали звезды.

Вон снова упала — и я загадал:
выйти живым из боя...
Так свою жизнь я поспешно связал
с глупой звездой.

неземное страдание знают.
Она вынесет все, переждет,
не записывая Землю в калеки.
Кто сказал, что Земля не поет,
что она замолчала навеки?!

Нет! Звенит она, стоны глуша,
изо всех своих ран, из
отдушин,
ведь Земля — это наша душа,
сапогами не вытоптать душу.
Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время...

СЕМЬЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

А ну, отдай мой каменный топор!
И шкур моих набедренных не тронь!
Молчи, не вижу я тебя в упор, —
сиди вон и поддерживай огонь.

Выгадывать не смей на мелочах,
не опошляй семейный наш уклад!
Не убрана пещера и очаг, —
разбаловалась ты в матриархат!

Придержи свое мнение,
я — глава, я — мужчина.
Соблюдай отношения
первобытнообщинные.

Там мамонта убьют — поднимут вой,
начнут добычу поровну делить...
Я не могу весь век сидеть с тобой,
мне надо хоть кого-нибудь убить!

Старейшины сейчас придут ко мне,
смотри еще — не выйди голой к ним!
В век каменный — и не достать камней —
мне стыдно перед племенем моим!

Пять бы жен мне — наверное,
разобрался бы с вами я!
Но дела мои скверные,
потому — моногамия¹.

А все твоя проклятая родня!..
Мой дядя, что достался кабану,
когда был жив — предупреждал меня:
нельзя из людоедок брать жену.

Не ссорь меня с общиной — это ложь,
что будто к тебе кой-то пристает.
Не клевети на нашу молодежь,
она — надежда наша и оплот!

Ну, что глядишь — тебя пока не бьют —
отдай топор, добром тебя прошу!
И шкуры где? Ведь люди засмеют!..
До трех считаю, после — задущу!

ПЕСНЯ ЗАВИСТНИКА

Мой сосед объездил весь Союз.
Что-то ищет, а чего — не видно.
Я в дела чужие не суюсь,
но мне очень больно и обидно.

---

¹ Моногамия — закон, разрешающий иметь только одну жену.

У него на окнах плюш и шелк.
Клава его шастает в халате.
Я б в Москве с киркой уран нашел
при такой повышенной зарплате.

И сдается мне, что люди врут, —
он нарочно ничего не ищет.
Для чего? — ведь денежки идут,
ох, какие крупные деньжищи!

А вчера на кухне ихний сын
головой упал у нашей двери —
и разбил нарочно мой графин,
я — мамаше счет в тройном размере.

Ему, значит, рупь — а мне пятак?!
Пусть теперь мне платит неустойку.
Я ведь не из зависти, я так —
ради справедливости, и только.

...Ничего, я им создам уют —
живо он квартиру обменяет.
У них денег — куры не клюют,
а у нас на водку не хватает.

ЛИРИЧЕСКАЯ

Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно —
Живешь в заколдованном диком лесу,
Откуда уйти невозможно.

Пусть черемухи сохнут бельем на ветру,
Пусть дождем опадают сирени, —
Все равно я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели.

Твой мир колдунами на тысячи лет
Укрыт от меня и от света, —
И думаешь ты, что прекраснее нет,
Чем лес заколдованный этот.

Пусть на листьях не будет росы поутру,
Пусть луна с небом пасмурным в споре, —
Все равно я отсюда тебя заберу
В светлый терем с балконом на море.

В какой день недели, в котором часу
Ты выйдешь ко мне осторожно,
Когда на руках я тебя унесу
Туда, где найти невозможно?

Украду, если кража тебе по душе, —
Зря ли я столько сил разбазарил?!
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял.

Я НЕ ЛЮБЛЮ

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда весёлых песен не пою.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда — наполовину
Или когда прервали разговор.

Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу,
Или — когда все время против шерсти,
Или — когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой,
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, что слово «честь» забыто
И что в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья,
Нет жалости во мне, и неспроста:
Я не люблю насилие и бессилие,
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
И не терплю, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в нее плюют.

Я не люблю манежи и арены:
На них мильон меняют по рублю, —
Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю!

О ФАТАЛЬНЫХ ДАТАХ И ЦИФРАХ

Моим друзьям — поэтам

Кто кончил жизнь трагически, тот — истинный поэт,
А если в точный срок, так — в полной мере:
На цифре 26 шагнул под пистолет,

ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРОДСКИЙ

(род. в 1940)

Окончил 7 классов средней школы. В 1964 г. был арестован, осужден по сфабрикованному обвинению в тунеядстве и сослан в ссылку. С 1972 г. постоянно проживает в США. Профессор нескольких университетов. В 1987 г. стал лауреатом Нобелевской премии.

Появившиеся в начале 60-х гг. стихи И. Бродского сразу произвели впечатление неожиданности, смелости, свежести. Сравнения и образы стихов Бродского — это сравнения и образы из нашей обыденной беседы с его участием, нашей обыденной жизни. Они могут быть совершенно парадоксальными, непредсказуемыми, видимо потому, что его стихи о самой жизни, парадоксальной и непредсказуемой: это стихи как рассказ, неторопливое повествование о жизни. При этом картина мира И. Бродского строится на той мысли, что материальному миру вещей предшествует мир идеальных форм и структур, часто порожденных одухотворенным созданием. И только связь с этими духовными структурами придает материальным вещам смысл, наполняет их содержанием.

Сочинение стихов — это возможность совершать самые неожиданные открытия, считает Бродский: «...порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удастся оказаться там, где до него никто не бывал, — и дальше, может быть, чем он сам желал бы».

**УТРЕННЯЯ ПОЧТА ДЛЯ А. А. АХМАТОВОЙ
ИЗ ГОРОДА СЕСТРОРЕЦКА**

В кустах Финляндии бессмертной,
где сосны царствуют сурово,
я полон радости несметной,
когда залив и Комарово
освещены зарей прекрасной,
освещены листвою беспечной,
Любовью Вашей — ежечасной
и Вашей добротой — вечной.

1962

ИНСТРУКЦИЯ ОПЕЧАЛЕННЫМ

«Не должен быть очень печальным
И, главное, скрытным...»

А. Ахматова

Я ждал автобус в городе Иркутске,
пил воду, замурованную в кране,
глотал позеленевшие закуски
в ночи в аэродромном ресторане.
Я пробуждался от авиагрома
и танцевал под гул радиовальса,
потом катил я по аэродрому
и от земли печально отрывался.
И вот летел над облаком атласным,
себя как прежде чувствуя бездомным,
твердил, вися над бездною прекрасной:
все дело в одиночестве бездомном.
Не следует настаивать на жизни
страдальческой из горького упрямства.
Чужбина так же сродственна отчизне,
как тупику соседствует пространство.

1962

* * *

А. А. А.

1

Когда подойдет к изголовью
смотритель приспущенных век,
я вспомню запачканный кровью,
укатанный лыжами снег,
платформу в снегу под часами,
вагоны — зеленым пятном
и длинные финские сани
в сугробах под Вашим окном,
заборы, кустарники, стены
и оспинки гипсовых ваз,
и сосны —

для Вас уже тени,
недолго деревья для нас.

2

(Явление стиха)

Не жаждал явиться до срока,
он медленно шел по земле,
он просто пришел издалека
и, молча, лежит на столе.
Потом он звучит безучастно
и тает потом на лету.
И вот, как тропинка с участка,
выводит меня в темноту.

1962

**ИЗ ЦИКЛА «ИНСТРУКЦИЯ ЗАКЛЮЧЕННОМУ»
В ФЕВРАЛЕ**

В феврале далеко до весны,
ибо там, у него на пределе,
бродит поле такой белизны,
что темнеет в глазах у метели.
И дрожат от ударов дома,
и трепещут, как роща нагая,
над которой бушует зима,
белизной седину настигая.

1964

* * *

А. А. А.

В деревне, затерявшейся в лесах,
таращусь на просветы в небесах —
когда же загорятся Ваши окна
в небесных (москворецких) корпусах.

А южный ветер, что облака несет
с холодных, нетемнеющих высот,
того гляди, далекой Вашей Музы
аукающий голос донесет.

И здесь, в лесу, на явном рубеже
минувшего с грядущим, на меже
меж Голосом и Эхом — все же внятно
я отзовусь, — как некогда уже,

не слыша очевидных голосов,
откликнулся я все ж на чей-то зов.

И вот теперь туда бреду безмолвно
среди людей, среди рек, среди лесов.

1964

СОНЕТ

«Седой венец достался мне недаром...»

Анна Ахматова

Выбрасывая на берег словарь,
злоречьем торжествуя над удушьем,
пусть море осаждает календарь
со всех сторон: минувшим и грядущим.
Швыряя в стекла пригоршней янтарь
осенним днем за стеклами ревушим,
и гребнем, ослепительно цветущим,
когда гремит за окнами январь,
захлестывая дни, — пускай гудит,
сжимает сердце и в глаза глядит.
Но подступая к самому лицу,
оно уступит в блеске своенравном
седому серебристому венцу,
внесенному над тернием и лавром!

1964

24 ДЕКАБРЯ 1971 ГОДА

V. S.

В Рождество все немного волхвы.
В продовольственных слякоть и давка.
Из-за банки кофейной халвы
производит осаду прилавка

грудой свертков навьюченный люд:
каждый сам себе царь и верблюд.

Сетки, сумки, авоськи, кульки,
шапки, галстуки, сбитые набок.
Запах водки, хвой и трески,
мандаринов, корицы и яблок.
Хаос лиц, и не видно тропы
в Вифлеём¹ из-за снежной крупы.

И разносчики скромных даров
в транспорт прыгают, ломятся в двери,
исчезают в подвалах дворов,
даже зная, что пусто в пещере:
ни животных, ни яслей, ни Той,
над Которою — нимб золотой.

Пустота. Но при мысли о ней
видишь вдруг как бы свет ниоткуда.
Знал бы Ирод², что чем он сильнее,
тем верней, неизбежнее чудо.
Постоянство такого родства —
основной механизм Рождества.

То и празднуют нынче везде,
что Его приближенье, сдвигая
все столы. Не потребность в звезде
пусть еще, но уж воля благая
в человеках видна издали,
и костры пастухи разожгли.

---

¹ Вифлеём — город в Палестине, согласно Библии, — место рождения Иисуса Христа.

² Ирод (ок. 73—4 г. д. н. э.) — царь Иудеи, прославившийся своей жестокостью. Узнав от волхвов о рождении Иисуса Христа, он приказал уничтожить всех младенцев мужского пола в возрасте до двух лет.

Валит снег; не дымят, но трубят
трубы кровель. Все лица, как пятна.
Ирод пьет. Бабы прячут ребят.
Кто грядет — никому не понятно:
мы не знаем примет, и сердца
могут вдруг не признать пришлеца́.

Но когда на дверном сквозняке
из тумана ночного густого
возникает фигура в платке,
и Младенца, и Духа Святого
ощущаешь в себе без стыда;
смотришь в небо и видишь — звезда.

1972

ПЯТАЯ ГОДОВЩИНА

(4 июня 1977)

* * *

Я вырос в тех краях. Я говорил «закурим»
их лучшему певцу. Был содержимым тюрем.
Привык к свинцу небес и к айвазовским бурям.

Там, думал, и умру — от скуки, от испуга.
Когда не от руки, так на руках у друга.
Видать, не рассчитал. Как квадратуру круга.

Видать не рассчитал. Зане в театре задник
важнее, чем актер. Простор важней, чем всадник.
Передних ног не отличит от задних.

* * *

Теперь меня там нет. Означенной пропаже
дивятся, может быть, лишь вазы в Эрмитаже.
Отсутствие мое большой дыры в пейзаже

не сделало; пустяк: дыра, — но небольшая.
Ее затянут мох или пучки лишая,
гармонии тонов и проч. не нарушая.

Теперь меня там нет. Об этом думать странно.
Но было бы чудней изображать барана,
дрожать, но раздражать на склоне дней тирана,

* * *

паясничать. Ну что ж! на все свои законы:
я не любил жлобства, не целовал иконы,
и на одном мосту чугунный лик Горгоны¹
казался в тех краях мне самым честным ликом.
Зато столкнувшись с ним теперь, в его великом
варьянте, я своим не подавился криком

и не окаменел. Я слышу Музы лепет.
Я чувствую нутром, как Парка нитку треплет:
мой углекислый вздох пока что в вышних терпят,

и без костей язык, до внятных звуков лаком,
судьбу благодарит кириллицыным знаком.
На то она — судьба — судьба, чтоб понимать

на всяком

---

¹ Горгона — в греч. мифологии крылатая женщина-чудовище со змеями вместо волос; взгляд Горгоны превращал все живое в камень.

наречья. Предо мной — пространство в чистом
виде.

В нем места нет столпу, фонтану, пирамиде.
В нем, судя по всему, я не нуждаюсь в гиде.

Скрипи, мое перо, мой коготок, мой посох.
Не подгоняй сих строк: забуксовав в отбросах,
эпоха на колесах нас не догонит, босых.

* * *

Мне нечего сказать ни греку, ни варягу.
Зане не знаю я, в какую землю лягу.
Скрипи, скрипи, перо! переводи бумагу.

РЕКИ

Растительность в моем окне! зеленый колер!
Что на вершину посмотреть, что в корень —
почувствуешь головокруженье, рвоту;
и я предпочитаю воду,
хотя бы — пресную. Вода — беглец от места,
предместья, набережной, арки, кровя,
из-под моста — из-под венца невеста,
фамилия у ней — серова.
Куда как женственна! и как на жизнь похожа
ее то матовая, то вся в морщинках кожа
неудержимостью, смятеньем, грустью,
стремленьем к устью
и к безымянности. Волна всегда стремится
от отраженья, от судьбы отмыться,
чтобы смешаться горизонтом, с солью —
с прошедшей болью.

1986

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА

В холодную пору, в местности, привычной скорее
к жаре,
чем к холоду, к плоской поверхности более, чем
к горе,
младенец родился в пещере, чтоб мир спасти;
мелó, как только в пустыне может зимой мести.

Ему все казалось огромным: грудь матери, желтый
пар
из воловьих ноздрей, волхвы — Балтазар, Гаспар,
Мельхиор; их подарки, втащенные сюда.
Он был всего лишь точкой. И точкой была звезда.

Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребенка издалека,
из глубины Вселенной, с другого ее конца,
звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца.

1987

СОДЕРЖАНИЕ

Уважаемый старшеклассник!	3
Владимир Сергеевич Соловьев	6
Иннокентий Федорович Анненский	19
Федор Кузьмич Сологуб	25
Дмитрий Сергеевич Мережковский	32
Вячеслав Иванович Иванов	42
Константин Дмитриевич Бальмонт	50
Зинаида Николаевна Гиппиус	59
Юргис Казимирович Балтрушайтис	71
Михаил Алексеевич Кузмин	78
Максимилиан Александрович Волошин	83
Андрей Белый	93
Саша Черный	105
Николай Алексеевич Клюев	114
Велимир Хлебников	126
Николай Степанович Гумилев	135
Владислав Фелицианович Ходасевич	146
Игорь Северянин	159
Анна Андреевна Ахматова	172
Борис Леонидович Пастернак	183
Осип Эмильевич Мандельштам	194
Марина Ивановна Цветаева	208
Владимир Владимирович Набоков	218
Мария Сергеевна Петровых	229
Александр Аркадьевич Галич	239
Борис Чичибабин	249
Наум Коржавин	258
Владимир Семенович Высоцкий	268
Иосиф Александрович Бродский	277

ПРОЧНОЕ ЗВЕНО

Редактор Г. Силакалне. Художеств. редактор
А. Мейере. Техн. редактор Дз. Скварнавича.
Корректор М. Краснайс. Обложка О. Берзиньша.

Издательство «Звайгзне», 226013, Рига, ул.
К. Валдемара, 105. Регистр. № 000304186. Изд.
зак. № 8264, КС—788. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд.
л. 10,25. Тираж 10 000 экз. Отпечатано в типо-
графии «Рота», 226011, Рига, ул. Блауманя, 38/40.
Заказ № 738. Цена 2 руб. 55 к.

